

18+

Николай Руденец

СВЕЖИЙ ГЛОТОК

Давай не будем

загаживать...

Повести и рассказы

Николай Руденц

Свежий глоток.

Повести и рассказы

<https://litres.ru/74150399>

ISBN 9785007006095

Аннотация

Книга Николая Руденца «Свежий глоток» относится к хорошей качественной литературе. Охотник вспомнит свои приключения и сравнит их с теми, которые пережил автор, любитель природы с наслаждением погрузится в таёжный мир, филолог будет смаковать удачные выражения и образы... А кто-то просто получит заряд радости, свежести и хорошего настроения... Повести «Прости меня лосёнок» и «Ухажер», вошедшие в этот сборник, были ранее изданы в книге «Малая родина» в 2025 году.

Содержание

Предисловие	5
Повести	21
Первая зорька	21
Прости меня, лосенок	56
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Свежий глоток

Повести и рассказы

Николай Руденец

Корректор Лилиана Голава

© Николай Руденец, 2026

ISBN 978-5-0070-0609-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Моя первая книга «Охотничьи „мухи“» была издана в 2000 г. читинским издательством «Поиск» после напутственного «пинка» известного русского поэта Сибири Михаила Вишнякова. В то время он был главным редактором газеты «Чита литературная», в которой были опубликованы несколько моих рассказов. В эту книгу вошли не только рассказы из жизни охотников и рыбаков, а также и другие истории, объединённые в самостоятельные циклы: «Студенческий родник», «Армейские ухабы», «Братья наши меньшие», «Заграница нам поможет», «Следы в душе» и «Политрасклад».

Когда я представил на суд Михаила Вишнякова сверстанную книгу, то он тепло отозвался о ней:

«Природа, сотворив человека, заложила в нём охотничью страсть, но пробуждается это волнующее чувство не в каждом и по-разному. Для одних людей охота превращается в нелёгкую и опасную работу, и своим хозяйским отношением к природе, к её обитателям они вызывают заслуженное уважение.

Есть охотники-хищники, живущие по принципу «после меня — хоть потоп». Встреча с такими людьми всегда оставляет на душе тяжёлый осадок и тревогу за будущее дорогого для тебя уголка земли, где ты родился, вырос, живёшь.

Но, пожалуй, самое многочисленное племя охотников — это романтики. Однажды пробудив в себе охотничью страсть, открыв красоту родного края, эти люди при каждой возможности бросаются в материнские объятия Природы.

Перед открытием охотничьего сезона охотники-романтики, словно отлетающие птицы, всё чаще и чаще заводят разговоры об охоте, кучкуются в компании, где обсуждают особенности предстоящего охотничьего сезона, вспоминают интересные случаи из прошлых поездок и обдумывают маршруты предстоящих. Особенно тщательно готовят они своё охотничье снаряжение.

Их жёны знают, что в период охотничьего брожения в душах мужей бесполезно обращаться к ним за помощью в хозяйских делах. Но зато из них, вернувшихся с охоты, и чаще всего без трофея, можно «вить верёвки».

Зная о щедрости души своих мужей, жёны, собирая для них в дорогу необходимый набор продуктов, тоже стараются не ударить «лицом в грязь». Бальзамом для их душ звучат слова вернувшегося с охоты мужа: «Ну, мать, своим фирменным блюдом ты поразила даже опытных охотников».

Охотники-романтики из-за неопытности и пылкости своих натур часто попадают в смешные, а иногда и опасные ситуации, выкарабкавшись из которых и отдышавшись, они в компаниях доверчивых людей раздувают таких «слонов», что иногда даже у бывалых уши вянут.

Я люблю бывать в компаниях таких романтиков, с удо-

вольствием позволяю им «вешать лапшу на уши» и иногда пытаюсь довести их выстраданные истории до равнодушного читателя. Этим же делом повадился заниматься и Николай Руденец, да так увлёкся, что после публикации нескольких рассказов в «Чите литературной» размахнулся на целую книгу.

В ней собраны разные охотничьи и рыбацкие истории, но более интересным, умно-наблюдательным и душевно щедрым человеком оказался сам автор. Николай Руденец — неожиданное открытие в прозе последнего десятилетия. В рамках «литературы бывалых людей» ему удалось показать тип и характер, место действия и разнообразную действительность конца XX века.

Горячо рекомендую улыбчивому читателю в таёжном зимовье и городской квартире открыть эти «Охотничьи „мухи“», они, ей-бо, не назойливы, а радостно-озорны, насмешливы, с чудинкой и летучим хохотком истинно забайкальского хитреца, выдумщика, талантливового рассказчика.

Ай да Николай Руденец! Ни пуха ни пера твоей книге!

Михаил Вишняков, член Союза писателей России, почётный охотник Читинского областного общества охотников и рыболовов»

После такого вдохновляющего отзыва мастера я продолжил писать охотничьи и рыбацкие истории, Некоторые из них были напечатаны в газете «Вечерний Ростов», в журналах «Донское слово», «Охотничьи просторы», альманахах

«Охота в Забайкалье» и на страницах альманахов Российского союза писателей.

В книгу «Свежий глоток» вошли только охотничьи и рыбацкие рассказы из книги «Охотничьи „мухи“» и дополненные новыми произведениями из жизни, полной приключений, самого многочисленного племени романтиков — охотников и рыбаков.

Отзывы читателей на опубликованные произведения на различных литературных сайтах, до выхода книги «Свежий глоток»:

«Не такие шали рвали...»

Спасибо, рассмешили до слёз. Сознаться, насколько истинно описанное?

С уважением,

Александр Антоненко 15.04.2017 09:26

Александр, Вам ли — романтику, проложившему не одну тропу в суровых условиях, сомневаться в том, что жизнь иногда подкидывает такое, что ничего и не надо придумывать, а просто, отдышавшись от пережитого, увлечённо рассказать. И для меня Ваш смех — настоящая награда. С уважением, Н Р

Николай Руденец 15.04.2017 16:58

Я-то, в принципе, нисколько не сомневался в истинности

описанного, просто хотелось получить подтверждение от автора...

Александр Антоненко 16.04.2017 09:39

Коля, написано супер! С юмором, особенно в конце! Читаю следующий твой рассказ! С уважением, Татьяна! Жму зелёную кнопку!..

Татьяна Чижик 21.08.2017 06:34

Да-а! Я ухохотался! Много всяких баек слышал, но такого? Это как он умудрился в сук попасть? Вообще и медведи, и тигры довольно трусливы, если вот так, неожиданно, а может, не все? Лучше не испытывать!

Михаил Козин 10.04.2017 21:00

Вот так насмешили!!! Талантливо написано! Спасибо за наслаждение от прочтения!

Светлана Иванькова 27.02.2016 09:10

Давным давно читал рассказ Джека Лондона «Плешивый», у Вас не хуже.

Михаил Колобов 53 31.01.2016 15:

Спасибо, Михаил, за высокую оценку! Но у Джека Лондона медведь гонялся за героем, а тут герой проветрился на мишке... С улыбкой.

Николай Руденец 31.01.2016 20:34

По сюжету Вы точно Джека Лондона превзошли, по язы-

ку чуть пониже, а в целом — не хуже. Подтверждаю свою оценку.

Михаил Колобов 53 31.01.2016 20:54

Круто! Это же надо — верхом на диком медведе прокатиться! Да ещё довести хозяина тайги до позора! Заставили посмеяться, Николай. Спасибо!

Николай Николаевич Николаев 31.01.2016 11:43

«Месть друга»

Спасибо за рассказ! Получил удовольствие! Очень приятная, лёгкая и весёлая история, которую можно пересказать.

Арсений Уклеikin 17.11.2020 23:26

Спасибо за весёлый рассказ, Николай. Хорошо, что друзья с чувством юмора, а то могли бы и шею намылить.

Валентина Колбина 31.03.2020 09:12

Отличный юморок. Жена даже с сала подошла посмотреть, чего ржу!!!!

Александр Шиманский 18.10.2019 20:55

Вот отомстил так отомстил! Да... Человек с юмором и находчивый всегда найдёт правильное решение. Спасибо Вам, посмеялась от души!

Луана Кузнецова 18.10.2019 20:36

«Проверка чувств»

Проверка чувств прошла на отлично, за что и был Сер-

гей награждён долгожданным сыном. Замечательный рассказ. Жизненный, о настоящей мужской дружбе, проверенной годами. И с юмором! Спасибо!

Луана Кузнецова 18.10.2019 20:58

Весёлый зимний междусобойчик мужики устроили — во всех смыслах. И не скучный никоим образом. Да и девочки в роддоме развлеклись неслабо. Но правильно в народе говорят: всё хорошо, что хорошо кончается. Главное, ваш герой, Николай, получил желанного сына, а друзья — его законный повод обмыть явление на свет будущего подельника — это я на совместные «подлёдники» намекаю. Хороший рассказ, Николай — жизненный и позитивный, правдиво и хорошим слогом написан. Неплохой бы фильм получился — короткометражка. Опять же Пушкин тут уместен — ведь тема достойна поэзии. И пародийное четверостишие мне понравилось.

Хорошего клёва вашей компании, Николай, плодовитости и вдохновения на новые весёлые истории☺

Лариса Бесчастная 01.08.2019 01:02

«Хобби»

Замечательно написано — весело и озорно!

С теплом,

Наталья Николаевна Максимова 15.12.2018 00:03

Интересные персонажи у Вас получились. Одна Пелагея чего стоит. С уважением,

Сергей Корольчук 20.12.2018 21:40

Чудесный рассказ, и написан лёгким языком. Персонажи как живые, что очень важно.

Николай Парфёнов 31.01.2019 08:53

«Первая зорька»

Да, были времена. когда ружьё можно было повесить на гвоздь. А сейчас на сейф одной пенсии не хватит. Рассказ понравился. С добрым юмором.

Удачи!

Вадим Светашов 21.04.2018 01:45

«Киллеры»

Какая интересная история... Прочла не отрываясь. Спасибо.

С уважением,

Наталия Королёва 20.11.2021 13:40

«Разминка перед боем»

Смеюсь теперь и я, спасибо, Николай!

Евгений Космос 07.04.2018 13:59

«Способная птичка»

С каким удовольствием читаю Ваши рассказы! Сколько в них доброго юмора! Успехов Вам! С теплом,

Андрей Эйсмонт 01.08.2018 20:45

Читаем Вас. Да не покинет Вас вдохновение!

Елена Печурина 28.07.2018 19:29

«Нечистая таёжная сила»

Невероятно! Но крайне интересно. Ни о чём подобном от друзей-охотников слышать не доводилось, да и сам не видел.

Удачи.

С уважением,

Евгений Пекки 31.03.2020 09:53

«Свежий глоток»

У Вас богатый жизненный опыт и интересные зарисовки. Читать интересно.

С уважением,

Наталья Кухлич 05.02.2016 17:49

«Охота на динозавров»

Хороший и добрый рассказ.

Поучительный и весёлый.

Спасибо, приятно читать.

Жму зелёную.

С уважением,

Вячеслав Поляков-Прокотьев 16.01.2017 01:15

«Бормаш»

Посмеялся, спасибо! Столько смешного собрали в одну миниатюру!

Николай Николаевич Николаев 16.01.2016 08:33

«Охотничья страсть»

Написано легко, интересно и жизненно! Прочитала с удовольствием!

Оксана Алексеевна Ласовская 04.12.2018 20:48

Да, речки в Забайкалье серьёзные, не пошутишь. Я в своё время, когда прибыл в Читинскую область на работу по распределению в Нижний Цасучей, чуть не утонул в Ононе. Привык, что у себя дома на Южном Урале речки безобидные.

Николай Николаевич Николаев 16.01.2016 08:38

Бывает и такое... сам несколько лет не ездил на весеннюю рыбалку после того, как в течение полутора месяцев два раза отрывало ледяные поля, на которых был с приятелями, а на третий (22 апреля), находясь а одиночестве, провалился и выплывал из полыньи, напозая спиной на крошащийся лёд... спасибо за рассказ... охота пуще неволи. С уважением,

Павел Дыбан 24.03.2019 15:38

«Подлёдный лов весной»

Критическая, даже отчаянная, но поучительная история, которая пошла на пользу рыбакам. Рассказ заставляет поволноваться. Понравилось.

Оказывается, рассказов о провалах на тонком льду немало. Мне подсказали ещё один из них <http://www.proza.ru/2011/03/06/1358>, где мальчишка выбирался из реки едва ли не по дну.

Пусть и дальше не отворачивается удача.

Александр Ведров 10.02.2018 08:28

«Заколдованное место»

Очень понравился рассказ, огромных Вам творческих успехов!

Анафрол 27.05.2019 20:54

Если бы месть природы была настолько быстрой и понятной, ах, как здорово было бы.

С большим удовольствием читала Ваши рассказы, душевно о природе пишете. Спасибо.

Чойнова Инна Владимировна 20.09.2017 16:32

Прочла твоё «Заколдованное место». Закаты везде разные и не бывают одинаковыми. За ними нужно только наблюдать. А заколдованные места, видимо, есть на земле. Ты прав. И отлично об этом написал!

Ты молодец, что это подметил и описал.

С уважением,

Татьяна Чижик 13.08.2017 06:44

Да, природа мстит за содеянное.

Жаль, что мы этого не понимаем и не бережём то, что нам даровано.

Хороший рассказ. Спасибо.

Фаина Нестерова 27.08.2017 10:08

«Очень плохая примета»

Николай! Спасибо за лёгкий слог в замечательном рассказе!

Знаю, как охотники суеверны.

А стоять на номерах на волчью стаю в мороз ещё ужаснее. Удачи!

Пыжсыянова Татьяна 05.02.2018 14:29

«РЫБКА МОЯ»

Здравствуйте, Николай! Хотя и посочувствовала я Вашей жене, но смеялась, представив картинку, Вами написанную. Да, такое не забудет ни жена, ни Вы. Спасибо за улыбку. С теплом. Зелёная.

Луана Кузнецова 30.10.2022 23:17

А всё равно вы были счастливы, что рядом была она — ваша Пойманная рыбка. Спасибо!

Будьте счастливы!

Нинель Тован 14.07.2022 09:50

«Охотничьи приметы»

Приметы — это вековая народная мудрость, которой мы часто пренебрегаем — кто по незнанию, а кто просто потому, что в них не верит. А зря.

Спасибо за интересный рассказ.

С уважением и благодарностью.

Елена Вознесенская 15.08.2022 22:51

Было — было! И у меня такое было. Даже не то чтоб

вертаться, а даже шаг чтоб в обратную сторону шагнуть????
Плохая примета...

Вячеслав Мазин 02.06.2022 21:59

Космонавты не полезут в ракету, не посаив на заднее колесо автобуса. Наверное, у них есть ещё какие-то приметы, а «Белое солнце пустыни» они просто любят. И есть такая традиция — смотреть этот фильм на орбите.

Виктор Бабинцев 31.05.2022 15:30

Хороший рассказ. Это, безусловно, не суеверие было, но знак. Правильно, что оставили охоту. А приятель легко отделался, всего лишь деньги...

Занятно, как животные порой чувствуют тонко. В 90-е, во время распада страны и ликвидации КПСС, к одному из коллег, партийному, в запёртый стол забралась мышь. Прогрызла заднюю стенку и забралась. Ничего особо интересного она там не нашла, какие-то бумаги порвала, а вот на партбилет его помочилась. В духе времени... Тоже странноватый случай, может, и совпадение просто.

*Андрей Полторацкий 30.05.2022
17:08*

Приметы, несомненно, надо уважать. И не жадничать, как Иван!) Удачной охоты... на новые сюжеты!)

*С уважением,
Елена Владимировна Николаева 30.05.2022 16:44*

«Опасный компаньон»

Хиромантия — наука о хитросплетениях линий жизни на ладони, но не каждому дано их прочесть. А верить или не верить — дело каждого в отдельности. Но что-то есть в этом, могу поверить в Вашу интересную историю. Написана занимательно, спасибо большое!

Ольга Боровикова 2 02.05.2022 14:47

«Деликатес для кур»

Пишете очень хорошо.

Галина Антошина 04.09.2018 17:57

Интересно. Сам помню время, когда пацаном был в деревне под Таганрогом. Мне дали за ужином миску осетровой икры, и я объелся. Бабушка мужиков сильно ругала за это. Нельзя её в большом количестве ребёнку было есть — могло быть отравление. А я на чёрную икру лет 10 смотреть не мог.

Евгений Пекки 02.06.2018 08:06

Вы счастливчик — хоть раз объелись, а многие её и не видели.

С улыбкой,

Николай Руденец 02.06.2018 14:44

«Ухажер»

Здравствуй Николай! Давненько не посещал твою страницу. Нынче 9.01. 2020 года с восходом солнышка ходил в ближний пригородный лесок за грибами. Насобирав ведро

«мышат». У нас на юге так называются серенькие грибы. В эту пору у нас их только ленивые не собирают. Много видел груздей, прятавшихся под опавшей листвой. Не собирал по причине, что с ними надо возиться, вымачивать от горечи, а потом ещё и солить. А мышата это грибы, которые помыл хорошо и на сковороду или в суп. Вкуснотища, пальчики оближешь. После посещения леса, прямо ностальгия какая-то: захотелось побывать в тайге. Та которую я видел, давно снегом засыпана и до неё не одна тысяча километров. Зашёл на вашу страницу и побывал в вашей настоящей тайге про которую пишете вы. Рассказ «Ухажёр» мне понравился. Но. Но мне кажется когда вы его писали, то намеренно не сообщили читателям, «что значит одному находиться в тайге». Я как человек один сезон по доброй воле работавший «вздымщиком» в Усть Илимской тайге знаю, что такое «один день» провести в тайге, среди зверей. Я провёл в дебрях тайги шесть месяцев. С начала марта и до середины августа, когда выпал первый снег. Думаю, что в ваш рассказ надо было добавить адреналинчику, чтобы у читателя дух заворачивало от переживаний за ваших героев. Творческих успехов ВАМ Николай.

Никола Календорин 09.01.2020 17:57

В зимний день ваш рассказ — бальзам на сердце! Как будто сама побывала в грибном лесу. Спасибо за приятные минуты!

Светлана Иванькова 09.01.2020 08:45

Интересный рассказ. Лучше не написать!

Вадим Светашов 09.09.2018 17:56

Повести

Первая зорька

*Ползти на неизвестное расстояние к
незнакомым птицам —*

*вот высочайшее наслаждение охотника,
вот граница, где эта невинная, смешная забава
переходит в серьёзную страсть.*

Михаил Пришвин,

«За волшебным колобком»

К своему первому выстрелу на охоте я шёл длинным и тернистым путём. В детстве моей любимой игрой была «войнушка». Деревенская детвора, размахивая деревянными шашками над головами, как угорелая носилась по улицам за воображаемым противником, сражалась друг с другом, с лопухами и крапивой. А мы с другом даже попытались создать «кавалерию» — обучить для верховой езды баранов-производителей, мирно пасшихся вокруг овцефермы, отгороженной от села лесозащитной полосой. Набив карманы зерном, мы прибегали к этим пугливым животным и, вытянув руки с лакомством, медленно подходили к ним, приговаривая: «Бе-е-е-шка, бе-е-е-шка...»

Много зерна перетекло из родительских закромов в же-

лудки «бешек», прежде чем некоторые из них стали доверчиво принимать из наших рук гостинцы, и тогда, поймав момент, мы прыгали на их мягкие спины и крепко цеплялись руками за завитые рога. Обманутый баран, к нашему неописуемому восторгу, начинал носиться по полю, взбрыкивая, чтобы избавиться от седока, и если ему это не удавалось, он, разбежавшись, резко тормозил с одновременным наклоном головы, и наездник, как правило, пикировал на землю. Иногда мы так ушибались, что подолгу ходили, прихрамывая, но, прохромавшись, с ещё большим азартом объезжали «коняшек».

Однако прогресса не наступало. Бараны стали так осторожно принимать пищу из наших рук, что при малейшей попытке оседлать их уносились прочь.

Однажды друг, скормив все свои карманные запасы, ошибочно посчитал, что для достижения цели ещё не хватает нескольких горсточек зерна, и повернулся ко мне, чтобы одолжить его. И тут я с ужасом увидел, что «бешка» отступил несколько шагов назад, разбежался и поддел его под зад своими завитушками. Описав в воздухе дугу, друг с такой силой шмякнулся о землю, что встал только с моей помощью. После этого случая мы поняли, что зашли в тупик, и прекратили тренировки.

В то время наша военная группировка имела смутные теоретические познания об охоте и никакого практического опыта на этом поприще, если не считать моего сражения с

гусаком и нежелательной победы над моим заклятым врагом — петухом. С гусаком у нас сохранялись сносные отношения до тех пор, пока его гусыня не выводила на весеннюю лужайку ежегодно появлявшихся на свет наследничков.

Маленькие жёлтенькие комочки смешно учились щипать травку под руководством их мамы, а гусак стоял на страже. В это время родительская забота о подрастающем поколении превращала его в шипящего змея. Всё наше босоное войско опасалось встречи с ним и огибало по большому кругу его семейство, а надо мной однопольчане ехидничали: «Твой гусак, а ты его боишься...» Что, конечно же, подрывало мой имидж отчаянного рубаки. Доходило до того, что если гусиному семейству угодно было щипать травку напротив входной калитки моего родного дома, то я трусливо проникал в свои апартаменты через забор.

Однажды друзья так подогрели меня своими издёвками, что я, собрав всю волю в кулак, решил показать гусаку, кто в доме хозяин, и когда он в очередной раз кинулся на меня со злобным шипением, я не побежал, а встретил его в боевой стойке. Он набросился на меня и долбанул клювом, но тут я успел ручонками ухватиться за его шею-змею и крепко сжал её. Гусак захрипел и яростно стал хлестать меня крыльями. Было очень больно, но я изо всех сил перекрывал ему кислород, понимая, что только в этом моё спасение. И действительно, вскоре удары его крыльев стали ослабевать, а затем он весь обмяк. Когда противник перестал подавать признаки

жизни, я выпустил шею из рук, не спуская с него глаз, медленно отошёл на безопасное расстояние. Гусак отдышался и, высоко задрав голову, с хрипловатыми криками вернулся к своей стае, с тревогой наблюдавшей за нашим поединком. После этого сражения гусак зауважал меня. Он по-прежнему бросался вслед за мной, но стоило мне остановиться и повернуться к нему лицом, как он сразу же тормозил и, издав громкий победный крик, возвращался к своему семейству, встречающему его с одобрительными криками.

С петухом мои взаимоотношения строились по территориальному принципу. Если петух со своими многочисленными подружками проникал на запретную для них территорию, то он, подав сигнал к отходу, как настоящий вожак, покидал её под моим натиском последним и без боя, но при условии, что я никого не трогаю из его стаи.

Если же я, зазевавшись, пересекал невидимую границу его гарема, каждый раз определяемую им по-разному, вероятно, в зависимости от настроения, то он стремительно бросался на меня, долбил клювом и бил крыльями так больно, что я в панике спасался бегством.

Однажды, когда наше «войско» в очередном преследовании «противника» проносилось мимо моего дома, я решил завернуть к себе за краюхой хлеба. Влетев через приоткрытую дверь в дом, я опешил — вместо матери на кухне хозяйничали куры. Они, как тараканы, облепили железные листы, на которых созревало тесто, приготовленное для выпеч-

ки хлеба, и ненасытно клевали его под присмотром петуха.

Как потом выяснилось, мать, растопив русскую печь и раскатав тесто, ушла «на минутку» к соседке, а дверь оставила приоткрытой, чтобы проветрить кухню.

Я решил избавиться от непрошенных гостей самостоятельно и решительно пошёл на петуха. Под моим натиском он, подав сигнал к отступлению, как обычно, стал отходить, но куры никак не могли оторваться от лакомства, и тогда он прыгнул в предтопочное пространство уже разгоревшейся печи и замер в ожидании от меня дальнейших действий. Я от мысли «Сгорит!» тоже окаменел и, уставившись на него, лихорадочно прокручивал в мозгу варианты спасения петуха. Сначала я попробовал взять его лаской и, поговаривая: «Петя, пе-тя», стал медленно поднимать руку, но он не поверил в искренность моих намерений и сделал шаг к топке. Тогда я взял кочергу с длинной ручкой, осторожно завёл её за ноги петуха и резко дёрнул на себя, чтобы выдернуть его из опасной зоны, но произошло неожиданное — после моего рывка он почему-то кинулся в топку и вспыхнул ярким пламенем! Сцена самосожжения так испугала меня, что я пулей выскочил из хаты и вернулся домой с виноватым видом только под вечер. К моему удивлению, мать, чуть не плача, встретила меня со словами:

— Сынок, нет у нас больше петуха. Дура я старая! Оставила дверь приоткрытой, а через неё петух завёл кур и как-то сгорел в печи.

У меня отлегло от сердца, но совестливый червячок долго грыз меня, и, не выдержав его пыток, я, расплакавшись, признался в своём грехе.

Мать успокоила меня, сказав, что главная причина гибели петуха в том, что она оставила открытой дверь, а меня похвалила за то, что я, как настоящий мужчина, попытался взять её вину на себя.

После отпущения греха в моей детской душе произошло какое-то озарение, и агрессивность к домашним животным сменилась на любовь к ним. Удивительно, что гусак тоже каким-то образом это почувствовал и перестал на меня шипеть.

Может быть, эти события деревенского масштаба ещё долго бы предохраняли от пробуждения мою охотничью страсть, не появившись в гостях у соседа родственник. Он приехал к нему из далёкого таёжного посёлка, в котором, по его словам, живут одни охотники и пацаны рождаются сразу с ружьями. Это был средних размеров старик с озорными глазами и с окладистой бородой. Он часто сидел на соседской лавочке у калитки, пыхтел трубкой и наблюдал за деревенской жизнью, в которой особых всплесков замечалось, если не считать само его появление в безбородой деревне.

Мимо соседского дома зачастили прохожие и, с интересом поглядывая на бородача, вежливо здоровались с ним. Наша ватага тоже заинтересовалась дедком. Сначала мы стеснительно здоровались с ним, а потом, осмелев, стали

дразнить его «Борода» и во всю прыть улепётывать от его шутивых преследований. Однажды он миролюбиво подо-звал к себе меня с другом, щедро угостил кедровыми орехами и насмешливо заметил:

— С такими саблями надо на медведя ходить, а вы без толку носитесь по деревне. В ваши годы я уже по медведю в год добывал.

Мы от души расхохотались, но Борода, строго взглянув на нас, спросил:

— А что вы смеётесь, несмышлёныши? Наверняка каждый из вас боится щекотки?

— А кто же её не боится? — в один голос удивились мы, присмирив.

— Так и медведи. Перед тем как залечь в зимнюю спячку, они, насытившись за ночь, любят подремать в утренних лучах солнца, взобравшись на дерево на окраине леса, так как там солнца больше. Это время самое благоприятное для охоты на них. Охотник находит такого жмурика, подкрадывается к нему сначала по земле, а потом по дереву и начинает острой палкой щекотать ему пятки. Медведь просыпается и с испугу начинает подниматься к вершине, а вершина его не выдерживает, ломается и вместе с ним падает на землю. Охотнику только и остаётся, что снять с него шубу. Но чтобы так охотиться, надо хорошо лазать по деревьям и не бояться темноты. — И заговорщически прошептал, наклонившись к нам, слушавшим его с открытым ртом: — Если хотите, что-

бы в округе все медведи стали вашими, этот метод держите в строгом секрете. И, показав на стоящий возле моего дома радиостолб, добавил:

— Тренироваться можно на том столбе. Поднимитесь хотя бы до середины — считайте тренировку законченной.

Заполучив секретный способ добычи медведей, мы как-то сразу повзрослели и резко изменили свою жизнь: бестолковую беготню заменили целенаправленными тренировками. Целыми днями мы штурмовали радиостолб, но дело продвигалось туго. Борода периодически подзывал нас к себе, давал советы, рассказывал какую-нибудь охотничью историю, и мы с ещё большим усердием продолжали шлифовать столб.

Непросто у нас проходила и адаптация к темноте. Наслышавшись от взрослых жутких историй про колдунов, чертей, леших и прочих страшных персонажей, творящих свои жуткие дела ночью, мы боялись выйти ночью даже за калитку своего дома, не говоря уж о лесе, видневшемся на горизонте пугающей чёрной полосой.

И всё-таки страстное желание стать охотниками-медвежатниками однажды вытолкнуло нас в темноту. Предупредив родителей, что будем ночевать в летней кухне, расположенной в дворовой части усадьбы друга, мы с ним завели будильник на три часа ночи, впустили скулящего под дверью щенка, увязавшегося за мной, и уснули тревожным сном. Проснулись же, к своему удивлению, раньше будильника, но ещё долго настраивались, прежде чем нырнуть в жуткую

темноту безлунной ночи.

Вслушиваясь в малейшие шорохи и всматриваясь до боли в глазах в темень, мы с затаённым дыханием вышли за огороды и остановились, чтобы успокоить бешено колотившиеся сердца, как вдруг почувствовали в своих ногах чьё-то шевеление. От страха у меня на голове зашевелились волосы. Я дёрнул за рукав друга, и мы сломя голову понеслись к спасительной кухне. Влетев в неё, закрыли дверь на запор, схватили кухонные ножи и прильнули к окну, чтобы рассмотреть чудище, так напугавшее нас. Но увидели в полосе света от окна моего щенка, смешно ковылявшего по нашему следу. Впустив его, мы залились неудержимым смехом. Хохотали долго и до слёз, катаясь по кухне и показывая пальцами друг на друга и на щенка, с недоуменным видом смотревшего на нас.

И произошло чудо — смех выгнал из нас страх. Просмеявшись, мы схватили щенка и умчались далеко за огороды. Остановившись на пригорке, мы без страха долго вслушивались в тишину спящей деревни и, задрав головы, любовались звёздами, весело подмигивающими нам.

На следующий день мы с гордостью рассказали Бороде о своей победе над страхом.

— Вижу, что вы, мужики, не из робкого десятка и своего медведя точно завалите, — одобрил он нас и, хитро прищурившись, спросил: — А чем вы будете заниматься зимой, после того, как медведи залягут в берлоги?

Мы, застигнутые врасплох, переглянулись и, пожав плечиками, с надеждой уставились на Бороду в ожидании под-сказки.

— Почему бы вам не заняться зайцами? Наверное, слышали об известном методе охоты на него с морковкой?

К нашему стыду, мы ничего подобного не слышали и, покраснев, впились глазами в Бороду.

— Эх, вы! Молодо-зелено... Так и быть, раскрою вам ещё один охотничий секрет. Зайцы морковку любят, как и вы конфетки, и за это расплачиваются жизнью. Охотники наполняют ведро морковкой, сверху присыпают её махоркой, выносят его на заячью тропу и оставляют на ночь. Зайчишки набрасываются на морковку, но, хватанув табаку, начинают так чихать, что ударяются о край ведра и замертво падают тут же. Иногда их за ночь наколотится столько, что в мешок не вмещается.

В этот метод мы поверили сразу. Прошедшей зимой в нашей деревне произошёл аналогичный случай. Простудившийся тракторист, живший на окраине села, завёл трактор и поехал к фельдшерице за лекарством, а по дороге на него напал чих и так размотал его голову, что он, ударившись ею о руль, на мгновение потерял сознание, и неуправляемый трактор сшиб электрический столб. Неделю деревня жила без электричества. Ох и поматерили же его односельчане! А потом иначе как «чиханутый» уже и не называли.

После отъезда Бороды домой ко мне прибежал взволно-

ванный друг и заразил меня своей идеей:

— Зачем нам ждать зимы? Зайцев на морковку можно же и сейчас добывать!

— Так ещё морковка не выросла, — слабо возразил я.

— Да надёргаем с ведерко у нас на грядке. Я проверял — уже ничего.

На следующий день, дождавшись, когда родители друга ушли на работу, мы приступили к реализации его идеи. Набив карман отцовской махоркой, друг вывел меня в огород, и мы стали продёргивать морковную грядку. За этим занятием и застал нас его отец, неожиданно вернувшийся с работы. Я, как заяц, сиганул через забор и умчался к себе, а друг, не выдержав отцовского допроса с пристрастием, раскололся.

Деревня долго хохотала над нами, и с тех пор кличка «зайчатники-медвежатники» прочно приклеилась к нам.

Учёба, служба в армии так закрутили меня в своём жизненном водовороте, что об охоте и думать было нечего, но розыгрыши Бороды, его охотничьи истории всё чаще и чаще омывали мою душу тёплой волной воспоминаний и так будоражили её, что я решил для себя: женюсь, куплю ружьё и займусь охотой. Однако судьба уготовила мне не жену, а «смирительную рубашку». После того как мы обставили свою комнату, служащую нам и кухней, и спальней, самым необходимым для совместного проживания, я взял длинный гвоздь, вбил его в стену через ковёр, подаренный тёщей, подвёл жену и, показав на гвоздь, с вдохновением начал посвя-

щать её в свой замысел:

— Дорогая, на этом гвозде вскоре будет висеть ружьё...

Увидев гвоздь, она побледнела и с ужасом прошептала:

— Что ты наделал? Мама этого не перенесёт! И о каком ружье ты говоришь?

Распалаясь, выплеснула на меня несколько страшилок на тему «Каждое ружьё раз в год само стреляет» и, решительно махнув рукой, сказала как отрубил:

— Хватит в нашем роду одного заики! Выбирай — я или ружьё! — И, схватив плоскогубцы, набросилась на гвоздь. Но он, к моей радости, не поддался ей. Я же после её убийственных слов обиженно замолчал и не стал помогать ей в уничтожении только что укоренившейся моей мечты. Тогда она на следующий день притащила картину, на которой было изображено озеро, заросшее камышами, а в них виднелась шляпа замаскировавшегося охотника, целящегося из ружья в стайку подлетающих уток, и, повесив её на гвоздь, предназначенный для ружья, злорадно сказала: «Вот тебе и ружьё, и охота! Любишься!..» — не понимая своим женским умом того, что эта картина не только не будет бальзамом для моей страдающей души, но ещё больше станет терзать её и подталкивать к решительным действиям.

Для меня вдруг стало ясно, что прежде всего надо каким-то образом стереть в памяти жены хранящееся с детства негативное впечатление от того рокового выстрела, который у неё на глазах сделал её младшего брата заикой. История

с зайкой уходит корнями к её дедушке. До ухода на пенсию он не занимался охотой и не имел ружья, но, провожая его на пенсию, друзья, заметив в его глазах появление азартного блеска во время слушания охотничьих историй, подарили ему ружьё вместе с охотничьим билетом. И с той поры для деда началась новая жизнь, наполненная общением с интересными людьми, волнующими встречами с дичью, с природой своего края, красоту которой он, к своему сожалению, открыл для себя лишь в конце жизни.

У него даже был период охоты с собакой. Как-то поехал он в город к дочери и зашёл на рынок, а там мужик продавал спаниеля. Собака сидела на привязи и грустными глазами смотрела на прохожих, но когда дед приблизился к ней — вся встрепенулась, взвизгнула и так преданно взглянула на него, что он не удержался и погладил её.

— Сразу заметила охотника. Свой свояка видит издалека, — заговорил с ним продавец. — С такой помощницей на охоте и ружья не надо. Всех подранков соберёт и притащит. Привёз я к себе из деревни больного деда, а вместе с ним и его собаку. Так она, бедняжка, привыкшая к вольной деревенской жизни, прямо вся извелась в благоустроенной квартире. Бери! Хорошему человеку почти задаром отдам.

Дед не устоял и вернулся домой со спаниелем. Выпустив собаку в ограду своего дома, он стал с нетерпением ждать открытия охотничьего сезона на водоплавающую дичь, чтобы проверить помощницу в деле.

Однажды выходит он утром из дома, а собаки нет. Осмотрев забор, он обнаружил под ним подкоп и с сожалением сказал:

— Убёг. Отохотился.

Сел у входной калитки на лавочку и с грустью стал поглядывать по сторонам, надеясь её увидеть. И вдруг видит, что его спаниель тащит курицу, а за ним с криками гонится соседка:

— Отдай, проклятый! Лучшую курицу загубил...

Собака бросила у ног деда «дичь» и юркнула под забор, а разгневанная соседка остановилась перед ним как вкопанная и с удивлением спросила:

— Твой, что ли?

Оценив обстановку как критическую, дед быстро поймал свою курицу и подал её соседке вместе с доставленным трофеем. Она поворчала и ушла. И таких соседских «подранков» помощница принесла ему ещё несколько штук для обмена на живых, устраивая в разных местах подкопы. Как только ни ругал её хозяин — бесполезно: сидит перед ним с опущенной головой, виновато повиливая хвостом, а глаза говорят: «Всё понимаю, но это выше моих сил».

На первой утренней зорьке, которую встретил дед вместе с собакой на озере, окружённом охотниками, она поразила даже бывалых. Дед всего раз пальнул по стайке уток и промахнулся, а она принесла ему пять штук!

Вернувшись с охоты, дед взял утку и пошёл к соседке ми-

риться. Она впустила его и по неосмотрительности оставила калитку слегка приоткрытой. Он вручил ей, зардевшейся, подарок и с восторгом стал рассказывать об утренней зорьке и нахваливать свою помощницу. Соседка, с интересом слушающая его, восторженно воскликнула:

— Надо же, какая сообраз... — и осеклась, бросив взгляд под ноги. Дед взглянул вслед за ней и тоже потерял дар речи — у его ног лежал красавец-петух, гордость соседки, а рядом сидела его спаниелька и преданно смотрела на хозяина. Тут соседка опомнилась и подняла такой крик, что дед выскочил из калитки как ошпаренный вслед за своей помощницей. А когда остановился, чтобы что-то сказать соседке, она швырнула в него уткой, зловеще прошипев:

— Забирай свою дохлятину, и чтоб духу твоего здесь больше не было! Ишь, спелись! — один зубы заговаривает, а другая в это время охотится.

После этого конфуза дед посадил свою помощницу на цепь, несмотря на то, что она жалобно повизгивала и недоумённо вопрошала своими умными глазами: «За что, хозяин?» А чтобы замять скандал, он попытался всучить соседке своего петуха, несомненно проигрывавшего её покойнику, но она категорически отказалась принять «общипанного дохляка» и, сочинив жалобу от имени всех пострадавших соседей, отнесла её в сельсовет. Власть предложила деду избавиться от собаки, и он подарил её товарищу по прежней работе, который надоумил коллектив подарить деду ружьё

при проводах его на пенсию.

Как ни боролся дед, а старость брала своё. Зрение потеряло прежнюю остроту, появилась дрожь в руках, и он стал всё реже и реже появляться на охоте, а после приобретения электрического столба на дрова, сделавшего его посмешищем всего села, он вообще перестал появляться с ружьём.

Его дом стоял на окраине села, и однажды, когда он, управившись по хозяйству, сидел на лавочке у калитки и любовался вечерней зарёй, к нему подъехали на большой машине мужики и предложили «за пузырь» столб на дрова, якобы брошенный электромонтажниками, ведущими ремонт электролинии к посёлку. Дед с радостью согласился на столь выгодную сделку и с наступлением сумерек машина, натужно гудя, подтащила товар к его дому. Из неё выскочил плутоватого вида мужичок и весело крикнул поджидавшему деду:

— Хозяин, принимай товар! — дед измерил столб шагами и, довольный, рассчитался с продавцами, а когда утром подвёл жену к столбу, чтобы похвастаться выгодной покупкой, то ужаснулся — столб оказался железобетонным. На следующий день к нему подкатили электромонтёры и, обозвав его старым дурнем, утащили столб.

Вкусив радость от охоты, дед очень сожалел, что в его семье не было наследника: жена родила ему всего одного ребёнка — девочку, а зять попался «не боевой» — ни охотой, ни рыбалкой не увлекался. Оставалась надежда на внука, но дочь сначала родила девочку, мою будущую жену, и, когда

он вообще пал духом, к его великой радости родился внук, и с этой минуты его жизнь наполнилась новым смыслом.

После того как внук отмахал три годика, дочь привезла его в родительский дом, чтоб в семейном кругу отметить это событие. Тут и возникла у деда идея устроить внуку тайком от женщин боевое крещение. Он давно собирался проучить обнаглевших птиц, повадившихся, как по расписанию, к нему в сад за поспевающей малиной, которую так любил внук. Огородное пугало не только не отпугивало их, а наоборот, служило им. Прилетев в сад, птицы с жадностью набрасывались на малину, а сторож усаживался на пугало и в случае опасности предупреждал стаю громким криком.

Стоял жаркий летний день. Дед, раздевшись по пояс и усадив внука на шею, к моменту прилёта птиц затаился с ружьём в саду и, как только сторож уселся на пугало, бабахнул по нему. Выстрел напугал малыша, и он залился таким жутким криком, что женщины, предположив худшее, испуганно выскочили из дома и, подбежав к деду, с трудом оторвали от его ушей ручонки мальчика, державшего их мёртвой хваткой, и утащили орущего ребёнка в дом, оставив словно окаменевшего деда. По его побелевшему лицу струился пот, а по обнажённому торсу текли жёлтые струйки детского поноса, и лишь выступившие капельки крови из царапин, оставленных внуком на его ушах, подавали надежду, что в нём ещё теплилась жизнь.

После «боевого крещения» внук и стал заикаться. По ка-

ким только врачам и знахарям не возили его родители, но никто из них так и не смог избавить ребенка от заикания, а одно только упоминание о деде бросало внука в дрожь, и он начинал хныкать.

Дед не вынес такого удара судьбы и вскоре отдал Богу душу, оставив проблему наследия ружья своей верной подруге — бабушке моей жены.

Узнав эту трагикомичную историю, я очень сожалел, что не застал деда в живых, он, несомненно, помог бы мне в моём стремлении стать охотником. Однако, поразмыслив, я решил обратиться за помощью к бабусе, зная её как человека, умеющего поддержать других в трудную минуту. Однажды я смотался в деревню, пригласил бабулю на семейное торжество, и мы, пошептавшись с ней, выработали план совместных действий. Затем я пригласил друга, увлекавшегося охотой, с его женой и попросил её приготовить для стола именинницы своё фирменное блюдо — рябчиков, напичканных черносливом и запечённых в фольге.

Собравшиеся гости за обе щеки уплетали дичь и на разные голоса нахваливали раскрасневшуюся от внимания жену друга, который и сам стал героем застолья. Его охотничьи истории то смешили гостей, то бросали их в дрожь от страха. Наконец слово взяла бабушка жены и с волнением произнесла речь:

— Внученька моя, как жаль, что дедушка не дожил до такого радостного дня. После его смерти я впервые попробо-

вала блюдо из дичи и вспомнила о нём. Он так мечтал, чтобы в нашем роду появился человек, которому он смог бы передать своё ружьё и свой опыт охотника, но не дожил до этого светлого дня. Умирая, он просил меня только об одном — присмотреться к твоему мужу и, если он человек достойный, передать в твою семью самое дорогое, что у него осталось, — ружьё. Я вижу, что твой муж хороший человек, не дебоширит даже после выпивки, у него замечательный друг-охотник, а его жена просто кудесница. И вот сегодня, в этот памятный день, я решила исполнить волю твоего любимого дедушки и подарить его ружьё твоей семье.

Затем она взяла из рук друга уже расчехлённое и собранное ружьё, скользнула взглядом по стенам квартиры и, подойдя к ковру, повесила его на вбитый мною гвоздь, обравив ремнём ружья картину, повешенную женой, под бурные аплодисменты гостей. После душещипательной речи бабушки вид моей жены напоминал выброшенную на лёд рыбу: в её широко раскрытых глазах застыл ужас, а губы беззвучно шевелились, пытаясь высказать слова благодарности бабушке, требуемые в этом случае. Её выручил друг:

— Выпьем за рождение новой охотничьей семьи!

Гости радостно загалдели, и кто-то вдруг громко прокричал:

— Горько!

И вслед за ним всё застолье, глядя на нас с женой обалдевшими глазами, стало скандировать:

— Го-рько! Го-рько!

Я с удовольствием подчинился и чувственно присосался к любимым губам.

После ухода гостей я с радостью бросился к ружью, но меня остановил грозный окрик жены:

— Не тронь! Не тебе подарено.

Я поник и несколько дней провёл в томительном ожидании, позволив жене прийти в себя после бабушкиного сюрприза. Наконец, поймав подходящий момент, я пошёл в атаку:

— А ведь хранение незарегистрированного ружья — уголовно наказуемое дело.

— И что же теперь делать? — расстроено спросила жена.

— Для начала надо вступить в охотобщество, и, кроме того, занятие охотой обогатит нашу жизнь и наш обеденный стол. Вспомни, как на именинах гости хвалили твою подругу, а в твой адрес никто не сказал доброго слова, хотя стол был обильно заставлен блюдами, приготовленными твоими руками, и гости умяли их за милую душу, — безжалостно наступил я на её больную мозоль. — А друг мой, как он лихо раздувал из мухи слона?! Я же ни словом не смог поддержать его, и всё потому, что у меня не было выстраданной этой самой «мухи».

Жена несколько дней ходила с наморщенным лбом, обдумывая мои слова, пока однажды не выдавила из себя:

— Ладно, вступай в своё общество. Только на охоту будем

вместе ездить.

Я с радостью согласился и на следующий день с волнением подал своё заявление с просьбой о приёме в охотобщество председателю охотколлектива нашего предприятия. Он внимательно прочитал его, вытащил из сейфа устав охотобщества и протянул его мне со словами:

— Изучи. Через пару недель вернёмся к этому разговору.

Мне хватило двух дней, чтобы выучить наизусть устав, а оставшееся время до назначенного срока я провёл в томительном ожидании, в течение которого неоднократно «случайно» выныривал перед председателем, всем своим видом намекая, что готов к досрочной сдаче экзамена, но он каждый раз скользил по мне непонимающим взглядом.

«Уж не забыл ли он о моём заявлении?» — стал тревожиться я, и когда, набравшись смелости, я уже решился словами напомнить председателю о своём существовании, он сам подошёл к моему рабочему столу и, глянув на меня, спросил:

— Изучил?

Я, как школьник, вскочил со стула и кивнул.

— Вот и хорошо! Мы решили рассмотреть твоё заявление на выездном собрании нашего охотколлектива, так сказать, в объятиях природы. Завтра зайди в бухгалтерию и получи деньги — материальную помощь, выписанную тебе как начинающему охотнику, и вместе с водителем служебного автобуса купите необходимое для организации выезда. Води-

тель всё знает, а в конце рабочего дня он вывезет нас на речушку, да ружьё с патронами не забудь.

Ночь перед «завтра» была у меня кошмарной. Сначала я долго ворочался в постели, представляя сцены моего приёма в охотники, под недовольное шипение жены, а когда уснул, то увидел себя во сне гоняющимся с одностволкой деда за рябчиком в дремучем лесу. Он долго не подпускал меня на расстояние выстрела, и всё же мне удалось поймать момент и пальнуть по нему. Рябчик упал на землю, и когда я радостный подбежал к нему, он вдруг встрепенулся и превратился в огромного дикого кабана.

Кабан клацнул клыками, вперил в меня налитые кровью глаза и угрожающе прошипел человеческим голосом: «Дичи захотел?! Я те покажу дичь!» — и погнал меня.

Я, бросив ружьё, изо всех сил замахал от него, петляя между деревьями, как заяц, но его жуткое дыхание вскоре послышалось за моей спиной. Тогда я, увидев высокое дерево без сучьев, стремительно влез на него, но кабан вырыл из мёрзлой земли его корни, и дерево стало падать вместе со мной. И тут я заорал во сне во всю мощь: «По-мо-ги-те!» — и проснулся, до смерти напугав жену.

— Ты что, заболел? — потрогав мой потный лоб, озабоченно спросила она.

— Сон приснился кошмарный.

— Совсем очумел с этой охотой, дай хоть немного поспать, — недовольно забурчала она.

От пережитого во сне я так и не смог больше заснуть до утра.

Тёплый летний вечер, весёлое потрескивание костра и запасы «необходимого» настроили участников выездного заседания на длительное рассмотрение поступившего заявления. Прощупав мои теоретические знания, они поочерёдно осмотрели моё ружьё, затем председатель подал три патрона и, показав на пенёк, стоящий метров за тридцать, сказал:

— Попадёшь в него — считай себя охотником.

Я расстрелял по пеньку полученные патроны и вопросительно уставился на председателя.

— Что стоишь? Посмотри и доложи результат, — подтолкнул он меня.

Осмотрев пенёк, я не обнаружил в нём ни одной дробины и, понурый, подошёл к председателю.

— Мазанул? — усмехнулся он. — У тебя есть свои патроны?

— Целый патронташ!

— Ну-ка, стрельни ещё разок.

Я выстрелил и поразился результату — почти весь заряд сидел в пеньке!

— Ну и какие выводы ты сделал из стрельбы? — встретил меня, радостного, вопросом председатель.

— Надо лучше целиться, — уверенно ответил я.

И тут же грохнул взрыв смеха охотников. Не понимая причины смеха, я растерянно посмотрел на председателя.

— Стрелять надо только своими патронами, — рассмеялся председатель. — Я же дал тебе патроны без дробы.

Когда спало возбуждение от стрельбы, они обменялись мнениями и единогласно приняли меня в охотобщество.

Председатель пожелал мне ни пуха ни пера и, получив в ответ полагающееся «к чёрту», вручил охотбилет под одобряющие аплодисменты товарищей. На этом официальная часть выездного заседания закончилась, а неофициальная затянулась до полуночи. Выпивающие, произнося тост, напутствовали меня какой-либо поучительной историей из своей охотничьей биографии и непременно требовали от меня «до дна».

Тем временем моя жена, прождав все мыслимые и немыслимые сроки моего возвращения, занервничала и, чтобы снять нервное напряжение, занялась перестановкой мебели. Тяжёлый диван — наше спальное ложе, стоявший вдоль стены у входной двери, умудрилась перетащить к противоположной стене.

Домой я вернулся под «большой мухой». Долго шарил в темноте ключом в поисках замочной скважины, пока открыл дверь. Заботясь о сне жены, не включая свет, стянул обутки, верхнюю одежду и, с трудом сконцентрировав расплывшуюся волю на координатах дивана и своём месте на нём, придерживаясь за стену, сделал несколько расчётных шагов и упал лицом вниз, засыпая. Хорошо, что я в юности занимался гимнастикой. Моё тело, почувствовав затяжное падение,

сгруппировалось, и удар пришёлся на локти, иначе получил бы плоскостопие лица. Резкая боль в локтях слегка отрезвила меня, но донёсшийся зловещий смех жены от противоположной стены ещё больше навёл туману. Я не мог сообразить, почему входная дверь оказалась не на месте до тех пор, пока жена не включила свет и, подскочив ко мне, не выплеснула убийственные слова:

— Вот какие тебе нужны мухи! Алкоголик! Я тут места себе не нахожу, а он мухачится. Видела бы это бабушка! — И, сунув мне под нос фигу, отрезвила меня словами: — Вот тебе, а не ружьё!

Схватив лежащее рядом со мной ружьё, она повесила его на прежнее место, выключила свет и спружинила на диван, оставив меня лежащим на полу в глубокой растерянности.

И снова начались чёрные дни. Теперь я имел все права на ружьё, но прикоснуться к нему не смел, опасаясь гнева жены. Как-то она пришла с работы в хорошем настроении — премию какую-то коллектив заработал, и я решил напомнить ей, что она живёт с охотником:

— Дорогая, а знаешь, какая у охотников первейшая заповедь?

— Какая?

— Жена любит ласку, а ружьё — чистку и смазку.

— Пусть оно опадёт ржавчиной, но ты к нему не прикоснётся, — помахав передо мной пальцем, раздражаясь, сказала она.

«Рановато», — отметил я для себя и опять затаился, мужительно подыскивая способ снятия запрета жены. Однако уже на носу было открытие осенней охоты на водоплавающую дичь, а я ничего путного не мог придумать, отчего ходил сумрачный в отличие от охотников нашего коллектива, возбуждение у которых нарастало с каждым днём.

Узнав о причине несоответствия моего настроения коллективному, друг опять пришёл на помощь. Вечером они с женой, возбуждённые, ворвались к нам неожиданными гостями. С порога, размахивая над головой газетой, друг радостно прокричал:

— Поздравляю! Наконец опубликовали постановление об открытии охоты! В следующую субботу едем! Ура!..

А его жена бросилась к моей с объятиями и тоже ошеломила её новостью:

— Ты посмотри, какую я книгу достала! «Блюда из дичи»! И для тебя, и для себя! Готовься — скоро наши охотники завалят нас дичью!

Заметив, что после ошеломительного визита друзей жена открыла книгу, я тоже уверенно снял ружьё.

— Без меня не поедешь, — буркнула она, не отрываясь от чтения.

— У матросов нет вопросов, — бодро ответил я.

По злой иронии судьбы, в день отъезда на охоту жена задержалась на работе из-за какого-то юбилея одного из сотрудников. По этой причине я не смог отъехать вместе с

нашим охотколлективом. Понимая, что мне будет трудно найти лесное озеро, на котором нам предстояло встретить утреннюю зорьку, друг не покинул меня.

Уложив всё необходимое в мою легковушку, мы с ним ещё долго мотались вокруг неё, чертыхаясь, пока наконец не показался служебный автобус, из которого вышла жена навеселе.

— Капитан, где вас черти носят? Экипаж уже перегрелся в ожидании вас! — с шутливым раздражением встретил её друг.

Солнце уже тонуло в озере, открывшемся нам после преодоления затажного хребта. Его зеркальная поверхность, украшенная огненными бликами заката, чётко выделялась в лесном массиве, а многочисленные струйки дыма от костров охотников, окружавших озеро, создавали впечатление, что они хотят в нём вскипятить воду. Но больше всего меня поразили выстрелы, доносившиеся с озера.

— Останови машину! Ты что, не слышишь, что там стреляют?! — очнувшись от дрёмы, вскрикнула жена.

— Ты же говорил, что открытие на утренней зорьке, — тормознув, в свою очередь спросил я друга.

— Ситуация под контролем, — спокойно ответил он. — После инструктажа охотники ружья пристреливают. Поехали.

— Зачем туда ехать? Вы посмотрите, сколько костров вокруг озера! Там же охотников больше, чем уток! — опять

вмешалась жена.

— Это хорошо! Когда утку поднимут на крыло, она обязательно какому-либо счастливчику попадёт на мушку. Тут главное — не зевай, — рассеял её сомнения друг.

Подъехав к табору наших охотников, друг определил нам место для палатки, а сам ушёл к костру за информацией. Мы же с женой быстро поставили палатку.

— Молодцы! — похвалил он нас за оперативность, когда вернулся, и, незаметно подмигнув мне, добавил:

— Бери патроны — и на инструктаж к костру.

— Уже темно! Зачем патроны? — удивилась жена.

— Опытные охотники должны проверить их качество. Это о-очень важно, — невозмутимо пояснил ей друг. — А ты ложись спать. Эта процедура затянется надолго.

Незаметно от жены я вытащил из рюкзака три «белоголовки» и поспешил к костру. Наши сотоварищи, уже хорошо «проинструктированные», встретили нас с радостными возгласами, и мы, приняв на грудь штрафные стаканы, слились с ними.

Когда я вполз после «инструктажа» в палатку, жена уже спала, избавив меня от излишних объяснений, и я, облегчённо вздохнув, провалился в глубокий сон.

В предрассветных сумерках друг вытащил меня из палатки, подвёл к озеру, определил мне сектор стрельбы и поспешил на свою позицию. Чуть рассвело, тут же слышались первые выстрелы, и вскоре они переросли в канонаду. Я до

боли в глазах всматривался в густое молоко тумана, но ничего не видел. Лишь однажды надо мной просвистели крыльями утки, но, не видя их, я не стал стрелять. После того как озеро очистилось от тумана, охотники потянулись к костру. К моему удивлению, у многих на поясе болтались утки, в том числе и у моего друга.

— Ну, как успехи? — спросил он меня.

В ответ я лишь огорчённо развёл руками.

— Первый блин всегда комом, — успокоил он меня и, улыбаясь, добавил: — Проверь жену, и к костру на разбор полётов.

Жена уже не спала и, испуганная, сидела, забившись в угол палатки.

— Где ты был?! Я чуть с ума не сошла! Кругом всё гремит, а тебя нет, — встретила она меня плаксивым голосом.

— Это и есть утренняя зорька, дорогая! — смеясь, пояснил я и, тяжело вздохнув, добавил: — Неудачная для меня. Ну ничего, ещё будет вечерняя, — тут же приободрил я себя.

— Какая зорька?! Кругом туман, ничего не видно и сумасшедшая пальба. Нет! С меня хватит и одной! Поехали домой.

Понимая, что жена опять закусила удила, я объяснил другу ситуацию, и мы с ней выехали в обратный путь.

На душе у меня скребли кошки. Я понимал: если жена уедет только с негативными впечатлениями, то это будет концом моей охотничьей карьеры. И вдруг на спуске в широ-

кую падь зеркальцем надежды сверкнуло озерко у подножья длинного отрога, спускавшегося к автотрассе. Я сбавил скорость и попытался часть неудачи списать на жену.

— Это всё из-за нашего опоздания, — нарушил я тягостное молчание. — Столько готовились к этому дню, и надо же, какой-то юбиляр всё испортил. На вечерний инструктаж мы опоздали, сейчас идёт разбор полётов и тоже без меня, а ведь эти моменты очень важны в жизни охотника.

Жена в свою защиту не проронила ни слова. Тогда я остановился и, показав ей на озеро, убеждённо сказал:

— Видишь озеро? Там нет костров, а значит, и охотников. Наверняка на нём сидят непуганные утки. Подъедем, посмотрим?

— Делай что хочешь, — махнув рукой, неожиданно легко согласилась она.

Как я и предполагал, с отрога к автотрассе спускалась дорожка, и она вывела нас на поляну, с которой озерко открылось нам как на ладони, и, к моей огромной радости, на нём виднелось несколько уток. Оставив жену у машины, предупредив, чтобы не хлопала дверцами машины, я, схватив ружьё, спустился с отрога, гусиным шагом приблизился к осоке, широкой полосой отделявшей озерко, и пополз по ней к нему, тщательно вжимая себя в траву. Только после того, как подо мной захлопала болотная жижа, я остановился, перевёл дух и осторожно выглянул из-за травяного укрытия: утки беспечно колыхались на волнах и были от меня на расстоя-

нии выстрела. Тогда я прицелился и пальнул по ним. После выстрела одна утка кувыркнулась и как ни в чём не бывало опять заколыхалась, а её подруги вообще никак не отреагировали на выстрел.

«Непуганые, — мелькнуло у меня, — и похоже, что одну зацепил». Перезарядив ружьё, я стал тщательно прицеливаться, но меня неожиданно остановил грозный окрик:

— Эй ты, пластун! Ну-ка гребнн сюда!

«Чучела!» — словно кипятком, ошпарила меня догадка. Сколько раз я слышал о подобных случаях, и теперь сам влип! От охватившего меня стыда я готов был провалиться сквозь землю.

— Ну, ты что, оглох от выстрела или в лягушку превратился? — снова пробасил мужик.

Я встал и, увидев усатого крикуна, стоящего с ружьём наизготовку в ложбине, уходящей в глубь отрога, медленно подошёл к нему. Он окинул меня насмешливым взглядом и с раздражением сказал:

— Охотничек, мать твою...

— Веди его сюда! — донеслось из кустов.

Мужик показал мне на тропинку и скомандовал: «Вперёд!» Тропинка вывела на небольшую полянку. В центре её курился костёр, а вокруг него сидели ещё четверо охотников. По их раскрасневшимся лицам, по количеству валявшейся «пушнины» от водки я понял, что разбор полётов у них был в разгаре:

— Полюбуйтесь на героя, — хихикнул усач, доставивший меня. — Всех лягушек распугал в болоте, подкрадываясь к нашим резинкам.

Мужики дружным хохотом поддержали шутку.

— Ишь, как вывозюкался! Вот азартный... — сказал мужик с недоразлитой бутылкой в руках, закатываясь от смеха.

— Ну, рассказывай, как ты дошёл до такой жизни? — просясь, спросил меня мужик с интеллигентной бородкой.

— Обманулся, — промямлил я.

— Новичок, что ли?

— Первая зорька, — потупив глаза, ответил я.

— Ты что, её в болоте встречал? — удивился кто-то.

— Нет, ехал мимо, увидел уток и...

— Чучела-то целые? — спросил бородач у усача.

— Пока держатся.

— Какое наказание ему придумаем, чтобы в следующий раз он не обманывался? — спросил бородач у своих товарищей.

— Хуже того, что я уже получил, вы не придумаете.

— Обижа-а-ешь. У нас богатая фантазия, — обиделся разливающий.

— Там жена, — кивнув в сторону автотрассы, убитым голосом сказал я, — она всё видела.

— Он ещё и жену с собой привёз! — удивился усач.

И тогда я объяснил им причину её появления на охоте.

— Да-а... Влип ты, паря! — задумчиво произнёс бородач. Мужики тоже притихли и зачесали затылки.

— Надо выручать его, а то и в самом деле отохотится, — обратился бородач к мужикам, затем встал, подошёл к охотничьим трофеям, состоящим из нескольких чирков и одного селезня-крякаша, взял крякаша и протянул его мне:

— Иди выкручивайся и намотай себе на ус, настоящий охотник никогда не стреляет по сидячим. Он вначале поднимает птицу на крыло.

Не ожидая такого поворота, я спрятал руки за спину и энергично замотал головой.

— Бери, пока не передумали, — загалдели охотники.

— А как же вы?

— За нас не беспокойся, мы ещё возьмём своё, — успокоил меня бородач: — Знаешь, какая первейшая заповедь у охотника?

Я пожал плечами.

— Сам погибай, а товарища выручай!

— Где вас можно найти? — сдался я.

— Тут и найдёшь в следующие выходные.

Я поблагодарил охотников и заверил их, что обязательно приеду к ним и не с пустыми руками.

— Это как уж тебе подскажет совесть, — сказал разливающий. — А сейчас поспешай.

Не чуя под собою ног, я понёсся к жене. Увидев меня с уткой в руках, она удивилась:

— Ты где её взял? Утки же так и сидят на озере.

— Настоящие охотники не стреляют по сидячим, — насмешливо ответил я.

— А как же ты тогда эту?.. — недоумённо спросила она.

— Когда я подполз к тем уткам и уже хотел поднять их на крыло, вдруг услышал свист утиных крыльев. Поворачиваясь на спину и вижу, что прямо передо мной снижаются на озеро несколько чирков и вот этот крякаш. Я успел выстрелить, и он прямо к моим ногам упал. И вот теперь он у твоих ног, дорогая.

Она осмотрела селезня и восхищённо произнесла:

— Какой красавец!

Затем подошла ко мне, вытерла мои губы платочком и, чмокнув в них, умилённо прошептала:

— Добытчик мой!

И душа запела у меня.

В середине следующей недели мы с женой устроили застолье по поводу моего удачного выстрела. Я привёз бабушку, пригласил друга с женой, пришла и тёща с тестем, не разговаривавшая со мной после того, как увидела свой ковёр, пробитый гвоздём. Жена поставила на стол дичь, приготовленную по какому-то особому рецепту, и сказала мне:

— Ну, охотник, угощай своим первым трофеем.

Зная, что бабушка любит крылышки, я положил в её тарелку оба и незаметно подмигнул ей, а она мне благодарно улыбнулась. Затем я угостил друга и его жену, тестя и тёщу,

а остатки крякаша разделил с женой.

— Какая большая утка! — удивилась жена друга и упрекнула его: — А ты мне всегда привозишь чирков.

— Везучий у тебя мужик, а ты его в узде держишь, — завистливо сказал друг моей жене.

После его слов жена поднесла к столу ружьё и подала его мне со словами:

— Охота — это не женское дело.

Я высоко поднял ружьё над головой, и в моём мозгу пронеслись слова великого комбинатора: «Лёд тронулся, господа присяжные заседатели». Но сказал другое:

— Я постараюсь оправдать заочные надежды твоего деда.

И, подойдя с ружьём к ковру, вопросительно взглянул на тещу. Она улыбнулась и великодушно сказала:

— Пусть уж висит.

И я повесил желанное ружьё на гвоздь.

Прости меня, лосенок

*Кипит Витим, волнует и зовет
слепящим светом, яростью и синью,
глубоким адом страшной глубины.
Михаил Вишняков, «Даурский трилистник»*

В летнее время на таежных реках наиболее привлекающая рыбаков рыба — хариус, ленок и таймень — находится в верховьях этих рек и их притоках. Туда, движимая инстинктом размножения, она поднимается ранней весной, чтобы в чистых, богатых кислородом и кормом водах отметать икру.

Исполнив свой родительский долг, разбившись по парам или на небольшие стайки, эта ценная рыба рассредоточивается по таежным речкам и остается в них жировать до поздней осени, а с началом листопада вновь спускается в зимовальные ямы.

В этот период, когда тайга превращается в родильный дом для многих живых существ и становится школой выживания для таких малышей, мудрая Природа устраивает на пути нарушителей воспроизводства ее богатств немало препятствий. Прежде всего она маскирует таежные речки растительностью и перекрывает подъезды к ним неприступными топями. А ненасытные полчища различных кровососов находятся в постоянном поиске неприспособленных зевак, чтобы насладиться их кровью. У некоторых ухарей одно вос-

поминание о встрече с ними в зародыше гасит помыслы о таежной рыбалке в летнюю пору.

Мы с Сергеем были наслышаны о таких трудностях, поэтому летом усыряли свою рыбацкую страсть на Арахлейских озерах под Читой, где хорошо клевал окунь, а при умении можно было вытащить и щуку. Мы выезжали туда на выходные с семьями, и нам удавалось столько вылавливать на удочку этого «полосатика», что хватало и на уху, и на жаренье, и на горячее копчение, и, умиротворенные, возвращались домой.

Но однажды, когда мы, вернувшись с очередной такой рыбалки, выгружали в гараже рыбацкие снаряжения, к нам подошел сосед по гаражу, заядлый рыбак Алексей, и насмешливо спросил:

— Ну, рыбацки, чем похвастаетесь?

Я открыл наш рыбацкий ящик, набитый копчеными окуньками, и гостеприимно предложил ему:

— Угощайся, если не побрезгуешь.

Он равнодушно взглянул на наш рыбацкий трофей и с разыгранной жалостью произнес:

— Жалко мне вас. Уже середина лета, а вы до сих пор не испытали вкуса настоящей рыбалки. Если хотите увидеть рыбу, достойную моего взора, то прошу в мой гараж, — повернулся и вразвалочку пошел к своему гаражу, а вслед за ним и мы, заинтригованные.

В гараже он открыл крышку широкой кастрюли и с при-

глашающим жестом произнес:

— Любуйтесь.

Мы заглянули в кастрюлю и, увидев, что она почти наполовину заполнена внушительных размеров ленком, засыпали его удивленными вопросами:

— Откуда он?! Сам поймал?!

— Сегодня вернулся из тайги с богатым уловом мой друган и угостил меня. Всего-то он побыл там неделю. Собирались вместе, но перед отъездом непредвиденные обстоятельства помешали мне составить ему компанию.

— Где он рыбачил? — поинтересовался Сергей.

— Есть такая дикая и необловленная река Витим — мечта всех настоящих рыбаков. Однажды я побывал на ней и с тех пор все лужи вроде ваших озер с рахитным окуньком обхожу стороной. Вы только представьте: вековая тайга, напоенная летним ароматом, чистая горная река с перекатами и плесами, в которой рыба не прячется, а таращится на человека, впервые видя его, и, наконец, азарт борьбы с огромной рыбиной, вцепившейся почти в голый крючок и не желающей его вам отдавать, заканчивающийся душевным ликованием победителя...

— Прекрати, изверг! Мы только усмирили свою рыбацкую страсть, а ты ее разжег! — взмолился Сергей.

— Что и требовалось доказать! Я верил в то, что вы на болотной рыбалке еще не совсем загубили в себе душу настоящего рыбака. Поэтому приглашаю вас в следующие выход-

ные совершить на моем застоявшемся коне трехсоткилометровый бросок к его величеству Витиму, — поглаживая брезентовый тент своего ГАЗ-69, призывно произнес Алексей.

— По таежному бездорожью и за выходные... — внес сомнение Сергей.

— Соображаешь. Поэтому договоритесь со своим начальством еще на пару отгулов. А чтобы оно было поговорчивее, преподнесите ему по одному ленку из этого бака и пообещайте разделить с ним будущий трофей.

Наше начальство проглотило наживку, предложенную Алексеем, после чего начались сборы.

Прежде всего Алексей ознакомил нас со схемой, на которой был обозначен наш маршрут. Сначала по шоссейной дороге с гравийным покрытием надо было доехать до Романовки, затем по такой же дороге поехать в сторону Сосновоозерска и в районе заброшенной фермы по тракторному следу доехать до сенокосов. От сенокосных угодий нам предстояло найти заросшую травой лесную дорогу, ведущую к Витиму.

— Таких дорог там несколько. По ним можно уехать к черту на кулички. На нужной нам должен быть свежий след от машины другана, и она начинается от высокого пня, — пояснил Алексей и с тяжелым вздохом добавил: — Это самый сложный участок пути. По нему предстоит преодолеть четыре заболоченных пади. Другану это удалось, и он вознагражден, — и, посмотрев на наши сникшие после его слов лица, взбодрил: — Не вешать носы! Не с новичком едете.

Однажды я тоже их успешно преодолевал. Не испугались?

Мы с Сергеем переглянулись, и он, решительно махнув рукой, ответил:

— А! Была не была!

После этого Алексей занялся подготовкой своего «газика», а все остальные вопросы, связанные с предстоящей поездкой, решали мы с Сергеем. Мазь от таежного гнуса покупал я и по рекомендации продавца купил какую-то новинку.

Мы выехали под вечер, сразу после рабочего дня перед отгулами, с таким расчетом, чтобы к середине ночи добраться до Витима и после короткого сна ранним утром приступить к рыбалке. Как ни выжимал Алексей из своего «застоявшегося коня» скорость, но на участке дороги до Романовки, проходившей по многочисленным крутобоким сопкам, мы потеряли намного больше времени, чем предполагали. Из-за июньской жары двигатель на подъемах перегревался, и приходилось делать длительные остановки для его охлаждения. Кроме того, дорога настолько была разбита, что и на витиеватых спусках приходилось снижать скорость, чтобы на виражах не вылететь под откос.

— Мотор слабоват, — посетовал Алексей. — Собирался отремонтировать его, а потом на Витим, но слишком уж впечатлила меня наглядная агитация друга в виде ленков.

— Не одного тебя, — солидарно произнес Сергей.

После Романовки скорость езды увеличилась, но наверняка потерянное время не удалюсь. К заброшенной ферме

мы подъехали, когда расплавленный шар солнца уже спрятался за гривастой сопкой и колыхающееся зарево заката, раскрашивая висевшие над горизонтом облака, красочно полыхало над бескрайней в зеленом наряде тайгой. Воздух был чист, дышалось легко, таежные ароматы пьянили голову.

Однако наслаждаться творением природы у нас не было времени. Мы спешно свернули на тракторный след и, подпрыгивая на ухабах, поехали дальше. Уже в глубоких сумерках мы отыскивали нужную дорогу от сенокосов на Витим, а к первой заболоченной пади подъехали после того, как темень безлунной ночи поглотила тайгу.

Осветив фарами неширокую падь, мы обнаружили автомобильный след, пересекший ее.

— Верной дорогой едем, — по каким-то приметам определился Алексей и после непродолжительной паузы сосредоточенно добавил: — Эту падь надо преодолевать на полном ходу и строго по следу, — после чего без разведки решительно поехал по автомобильному следу.

Управляемый опытным водителем «газик» почти преодолел препятствие, и в тот момент, когда из нас готово было вырваться торжествующее ликование, он вдруг остановился, и по звуку двигателя мы поняли, что колеса потеряли опору.

— Сели на брюхо, — удрученно сказал Алексей. — Осталось всего каких-то пять метров, и мы бы ее проскочили!

Мы с Анатолием тоже вышли из салона и начали заглядывать под днище, отмахиваясь от набросившихся на нас ко-

маров и мошкеры.

— Что вы там изучаете? — крикнул нам Алексей. — Диагноз поставлен. Доставайте мазь от гнуса, намажемся и за работу. В багажнике лежит ручная лебедка. С ее помощью мы быстро выкарабкаемся.

Я достал мазь, и мы, намазав ею открытые участки тела, принялись за работу. Однако вскоре все с ужасом убедились, что мазь не защищает от гнуса.

— Что за повидло ты купил?! — завопил Сергей. — Они еще больше стали нас пожирать!

— Новинку, рекомендованную продавцом, — удивленно ответил я, пораженный бездействием мази.

— Вернемся — я эту продавщицу увезу в тайгу и оставляю с этой новинкой, чтобы в следующий раз, прежде чем дурить народ, думала о последствиях, — пригрозил Сергей.

Вспоминая недобрым словом и продавца, и производителей новинки, мы быстро привязали лебедку к стоявшему рядом дереву и с ее помощью легко вытащили «газик». Взбодренные первой победой, мы, живо обсуждая пережитое, поехали дальше.

Дорога к следующей пади проходила по каменистой поверхности, и пока мы преодолевали ее, казалось, что от тряски получим сотрясение мозга. Наконец пытки трясучкой закончились, и вскоре с пригорка нам открылась широкая падь. Алексей остановил машину так, что фары высветили участок пади, который нам предстояло преодолеть, и, напря-

женно всматриваясь в ее поверхность, на которой виднелось два параллельных автомобильных следа, медленно проговорил:

— Самый трудный участок. Надо разведать.

Надев на себя брезентовые куртки, резиновые сапоги и обмотав головы полотенцами, чтобы уменьшить проникновение мошкары, мы вышли из машины и медленно прошли по автомобильным следам, заполненным болотной жижей. Потыкав палкой следы, Алексей подозвал нас и тревожно сказал:

— Здесь по следам нельзя ехать. Слишком тонкий торфяной слой. Если колеса прорежут его, то намучимся. Друган предупреждал меня об этом. Это его следы — туда и обратно. Что будем делать? Можно переночевать у костра, а утром попытаться ее проехать, а можно сейчас рискнуть.

— Далеко до Витима? — спросил Сергей.

— Осталось около десяти километров и еще две пади, но они более проходимые.

— Чем кормить здесь этих кровососов, предлагаю рискнуть, — решительно предложил Сергей.

Я поддержал Сергея.

— Большинство. Мне остается только подчиниться, — не скрывая удовлетворения нашим решением, подытожил Алексей. — Я медленно поеду вдоль правого следа, а вы будете идти рядом, чтобы облегчить машину, и если потребуется, то сразу же и подтолкнете.

Так мы пересекли почти половину пади. И вдруг автомобиль тюкнул передом и остановился. Алексей тут же выскочил из машины и, чертыхаясь, огорошил нас:

— В промоину, прикрытую травой, провалился передок, — и попытался почти двухметровой палкой измерить глубину ямы.

К нашему ужасу, ее длины не хватило!

— Это надолго. И тут лебедка нам не поможет — до берега троса не хватит, чтобы зацепиться, — упавшим голосом добавил он.

Таким растерянным мы еще не видели Алексея, и это побудило нас с Сергеем, не попадавших еще в такие ситуации, к действиям.

— Может, с помощью домкрата приподнять передок и подложить жерди? — предложил Сергей.

— А во что его упереть? Ты же видел, какая здесь глубина, — возразил Алексей. И после непродолжительной паузы вновь заговорил уверенно: — Если бы Архимед получил опору, то перевернул бы Землю. Все дело в ней. В нашем случае опору можно получить двумя путями. Первый — натаскать из лесу камни и забить ими яму, понятно, что их потребуется очень много. Второй — необходимо срубить длинное бревно, называемое таежниками вагой, и использовать его как рычаг, а опорой в этом случае будет служить настил из бревен, который тоже предстоит проложить.

Ободренные восстановившейся уверенностью лидера, мы

с Сергеем приняли активное участие в обсуждении вариантов. После непродолжительной дискуссии был принят второй вариант.

— Как бы тут нас для полного счастья еще и дождь не накрыл, — взглянув на небо, по которому ползли черные тучи, встревожился Алексей. — Надо спешить, а то долго придется тут сидеть. Помощи ждать неоткуда.

Более трех часов мы потратили на то, чтобы приподнять сначала переднюю часть «газика» и вымостить под ней настил из жердей, а затем то же самое проделать и с задней частью. Кроме того, мы решили выезжать по своему следу, и нам пришлось следы от колес забить хворостом. О движении вперед мы и не помышляли, так как уже доносились раскаты грома. Тщательная подготовка пути отступления дала свои результаты. С первой же попытки нам удалось вырваться из топкой пади.

Уставшие, искусанные гнусом, который тучами кружил над нами, стараясь перед грозой насытиться нашей кровью, мы все равно были переполнены радостью оттого, что удалось вырваться из плена. Смыв с себя пот, мы попрыгали в машину.

— Столько времени не было дождя, а тут как назло! Все небо затянуло тучами. Придется возвращаться, — грустно сказал Алексей. И спросил нас: — Проголодались?

— Как волки! — подтвердил Сергей. — Да вздремнуть не мешало бы.

— Чай гонять некогда. До дождя надо успеть проскочить первую падь, а то развезет так, что туда не сунешься. Дорогой перехватите, а когда проскочим падь, то после и вздремнем.

— При той трясучке в рот не попадешь, — хохотнул Сергей. — Но из двух зол надо выбирать меньшее.

Не успели мы развернуться в обратный путь, как первые капли дождя застучали по брезентовой крыше «газика», и мы, подгоняемые дождем, в очередной раз прошли испытание трясучкой на участке до первой пади. Подъехав к ней, Алексей без остановки, с разгону направил автомобиль по нашему следу, и наконец нам повезло — мы проскочили ее!

Алексей остановился, выключил двигатель, уткнулся головой в руль и засыпающим голосом проговорил:

— Теперь что хотите, то и делайте: ешьте, спите... — и тут же заснул, а вслед за ним и мы.

Из первой попытки прорваться летом к Витиму мы с Сергеем сделали вывод, что летняя рыбалка на таежных речках — занятие для рыбаков очень азартных и выносливых, поэтому старались в дальнейшем свой рыбацкий азарт не связывать со словом «очень» и вновь переключились на озерную рыбалку. А при встречах с Алексеем на его шутиливо-проверочный вопрос: «Ну, рыбаки, готовы к следующей поездке?» — уклончиво отвечали, что еще не отошли от первой.

И все же мечта побывать на Витиме в нас продолжала

жить и магнитом притягивала к себе все, что требовалось для ее воплощения.

Нам вдруг захотелось получить подробную информацию об этой реке, и вскоре знакомый учитель географии дал нам такую справку. Оказалось, что Витим хоть и является правым притоком могучей реки Лены, но он гораздо величественней и внушительней ее. Эта своевольная река рождается на восточных склонах Икатского хребта и, огибая Витимское плоскогорье и пересекая хребты Станового нагорья, несколько раз резко меняет направление течения. Витим изобилует порогами, россыпями камней, перекатами с плесами, шиверами, круговоротами воды с обратными течениями, то есть любимыми местами обитания хариуса, ленка и тайменя. На своем пути он собирает чистейшие воды многочисленных таежных речушек, в которых нерестится рыба. Витим — река горная, и в период паводков уровень воды в ней резко поднимается и с огромной скоростью проносится по ее руслу. Горе тому, кто об этом забывает! Витим еще не покорен человеком. Однако специалисты уже знают, что Витим в четыре раза сильнее Днепра, и вынашивают планы обуздания его дикого нрава с помощью ГЭС.

А в конце июля мы с Сергеем поехали на моих «Жигулях» в тайгу за голубикой и на спуске по лесной дороге увидели съехавший под откос «Запорожец», а рядом с ним мужика, которые при виде нас выскочил на дорогу и отчаянно замал нам руками. Мы остановились, и он, проклиная себя за

оплошность, рассказал нам, что пошел посмотреть грибы, а автомобиль оставил на обочине дороги лишь с включенной скоростью и, по-видимому, недовключил ее...

— Легко отделался, — осмотрев место происшествия, отметил я и, показав на стоявшие в начале крутого откоса молоденькие березки, прогнувшиеся под тяжестью уткнувшегося в них «Запорожца», добавил: — Если бы не они, то была бы груда металлолома.

— Да я им, миленьким, уже в ножки поклонился, — растроганно сказал мужик.

— Как будем вытаскивать? — спросил Сергей.

— У меня есть ручная лебедка, только зацепить ее не за что. Если поставить сзади на тормоза ваш автомобиль, то трос от лебедки можно к нему прикрепить, а потом потихоньку лебедкой подтягивать мой. Дергать нельзя — сразу сползет под откос.

— Разумно, — одобрил Сергей. — Только надо подстраховаться — привязать еще и наш автомобиль к противоположному дереву, — и поинтересовался: — Часто в тайге бываешь?

— Роднее тайги для рыбака и грибника ничего нет.

— Рыбак рыбака видит издалека, — рассмеялся Сергей.

— Вы тоже рыбаки! — радостно воскликнул мужик и протянул нам руку для знакомства: — Иван.

Мы, представившись, обменялись крепкими рукопожатиями, и Сергей с улыбкой проинформировал Ивана о нашей

попытке проехать к Витиму:

— Месяц назад на пути к Витиму мы до отрыжки напоили своей кровью тамошний гнус, вытаскивая машину из болота.

— В каком месте там рыбачили?

— А вот до места мы тогда так и не доехали, — с грустью ответил я.

— Такая игра стоит свеч, — понимающе сказал Иван. — В прошедшем году в июле я в течение трех дней рыбачил на Витиме в районе Усть-Каренги — это была лучшая рыбалка в моей жизни!

— А как ты туда попал? — спросил Сергей.

— Мой родственник летает на Ан-2 в Усть-Каренгу. К нему часто обращается местный охотник с просьбами доставить что-либо из Читы. Родственник ни рыбалкой, ни охотой не увлекается, а я однажды воспользовался приглашением охотника. Он и завез меня на моторной лодке по Витиму на место, изобилующее рыбой. Вот там я и отвел душу! Недавно я опять получил от него приглашение, но из-за предстоящей длительной командировки не смогу им воспользоваться.

— А если мы воспользуемся, посодействуешь? — спросил Сергей.

— С удовольствием, — отозвался Иван. — Я напишу ему записку, чтобы он завез вас на мое место. Если поедете, то возьмите с собой пару мешков капусты для засолки — на севере она в дефиците. В четверг улетите в Усть-Каренгу, а в

воскресенье обратно вернетесь. С родственником я договорюсь. Утром в четверг увезу вас в аэропорт и ему представлю.

Вытащив «Запорожец», мы расстались с Иваном как добрые друзья.

В среду мы были готовы к поездке. В этот раз мазь от таежного гнуса покупал Сергей и в магазине, продавшем нам подделку, провел такую воспитательную работу, что ее с извинениями обменяли на проверенный таежниками репудин.

В четверг утром, как и обещал, за нами заехал Иван и отвез в аэропорт. Там он познакомил нас со своим родственником и расстался с нами со словами: «Мужики, как я завидую вам! Вы на природу, а мне в командировку — в людскую суету. Но знайте — душой я с вами! Вас встретит на трехколесном мотоцикле Борис — охотник, о котором я рассказывал. Ему лет сорок. Он среднего роста, крепкого телосложения, волосы и глаза у него черные, лицо скуластое. Мою записку он уже получил».

Мы поблагодарили Ивана за заботу и договорились с ним о совместном выезде на рыбалку после его возвращения из командировки.

В Усть-Каренгу мы прилетели перед обедом. Встречать нас Борис подъехал на мотоцикле прямо к самолету. Мы сначала подали ему из самолета свои рюкзаки, а потом мешки с капустой, и по тому, с каким радостным удивлением он их принял, поняли, что Иван в записке о них умолчал. Выйдя

из самолета, мы поздоровались с Борисом за руку, называя себя.

— Не ожидал я такого сюрприза. Капуста у нас на вес золота. Я ваш должник, — пожимая наши руки, с радостным возбуждением сказал он нам. — Задание Ивана мне понятно. У меня все готово. Сейчас ко мне, почаюем и в дорогу, — скороговоркой проинформировал он нас.

Дома Борис насторожил нас:

— Этот год в наших местах неудачен. Уже больше месяца нет дождей. Солнце все сожгло. Реки обмелели. Если раньше от нашего поселка на моторке мы без проблем по Каренге спускались к Витиму, то нынче придется на веслах, а местами и волоком.

— А рыба-то есть? — спросил Сергей.

— В Витиме она всегда есть. И, как говорят у нас рыбаки, чем меньше в нем воды, тем больше рыбы. Вас я оставлю на Ванькином месте, а сам проеду дальше. Доставлю почту и продукты в лагерь геологам, а на обратном пути посижу на своих солонцах. Надо добыть мясо к возвращению жены с детьми из гостей. К вам вернусь в субботу.

— Сколько времени нам потребуется, чтобы доехать туда? — поинтересовался я.

— Не меньше двух часов.

— Все, мужики, рассиживаться некогда! — решительно встал Сергей, а вслед за ним и мы.

Когда сели в лодку, Борис проинструктировал нас:

— Смотрите вперед в оба, чтобы не дай бог не налететь на подводный камень.

Река Каренга действительно оказалась воробью по колено. Спускались мы по ней на веслах малой скоростью, а на опасных участках даже перетаскивали моторку на руках. Только в устье Борис включил мотор, и мы на хорошей скорости врезались в воды Витима и сразу почувствовали мощь этой реки.

— Теперь можете расслабиться и полюбоваться красотой наших мест, — снял с нас обязанности впередсмотрящих Борис.

Мимо нас то справа, то слева проносились огромные отвесные скалы, живописные скалистые обрывы, переходящие в крутые берега, сплошь покрытые осыпями разрушенных скал, на которых виднелись следы большой воды. Моторка, подталкиваемая упругим потоком реки, стремительно рассекла шивера, плесы, перекаты с небольшими стоячими волнами, и лишь там, где их высота достигала опасных размеров, Борис снижал скорость. Очарованные красотой дикой природы, мы с Сергеем, встретившись с очередным ее шедевром, с восклицаниями обращали внимание друг друга.

Вдруг Борис снизил скорость и показал на идущую навстречу лодку:

— С охоты возвращается. Тяжело идет. Как бы не с моих солонцов снял урожай.

А когда лодка приблизилась, Борис прокричал ее хозяину:

— Откуда дровишки?

Мужик широко развел свободной рукой, и до нас донеслось:

— Тайга большая...

— Поганый мужик. У нас в поселке поверье, если повстречался с ним, то удачи не жди, — чертыхнулся Борис, сплюнул в воду и добавил газ. — За тем островом начнутся рыбные места, облюбованные Иваном, — прервал тягостное молчание Борис и снизил скорость.

Мы с Сергеем сразу оживились и во все глаза стали всматриваться в показавшийся длинный остров. Почти по всей его длине проходил широкий плес, в который за островом впадала протока, а за ней русло реки сжималось высокими берегами, скорость воды увеличивалась, и начинался пережат со стоячей волной размером до полуметра. Затем пережат переходил в морщинистую шиверу, которая по правой стороне огибала скалистый выступ из высокого каменистого берега, дотягивавшегося своей будто срезанной вершиной почти до половины этого берега.

Показав на выступ, Борис сказал:

— Приехали. Наверху этого выступа и размещался Иван, — и причалил к его подножью рядом с тропинкой, уходящей вверх.

Уже было около пяти дня, но жара не спадала. Не успели мы высадиться на берег, как над нами закружили роями комары, слепни и оводы. Пришлось сразу же испытать мазь,

приобретенную Сергеем. К нашей радости, она была настоящей.

Навьючив рюкзаки, мы поднялись по тропинке наверх выступа и оказались на довольно просторной площадке. В центре ее размещалось старое кострище, обложенное камнями, а у берега в углублении под нависшей козырьком каменной глыбой мы увидели приподнятый над землей лежак из досок, и Сергей удивился:

— Откуда здесь доски?!

— В прошлом году мы с Иваном заехали сюда сразу после паводка, и у подножья выступа много чего валялось. Он и дров оттуда натаскал, и спальное место смастерил, — пояснил Борис.

— Умно организовано. Под таким козырьком ни камнепад, ни дождь не страшен...

— Ты посмотри вокруг — какая красота! — перебил меня Сергей.

Я осмотрелся и тоже залюбовался открывшейся панорамой.

— Любоваться будете после моего отъезда, а пока послушайте, как извлечь для себя практическую пользу из окружающей среды, — приземлил нас Борис. — Прежде всего вам надо позаботиться о костре. За сушняком для него подниметесь выше. Там этого добра навалом. Иван ловил рыбу в этой шивере, на перекате перед ней, в плесе вдоль длинного острова и в протоке, впадающей в него. Если захотите

полакомиться голубикой, то перед перекатом можно легко перейти по обмелевшему участку Витим на ту сторону. Там ее полно. Там же можно подстрелить и косачей. Я на всякий случай оставляю вам свою старую одностволку. Ну а мне пора.

Проводив Бориса, мы с Сергеем решили с помощью жребия распределить обязанности. Жребий обязал меня заготовить дрова, принести воду и развести костер. А Сергея — наловить рыбы и приготовить из нее первую уху на Витиме.

Проклиная жребий, я вскарабкался на берег и, смахнув пот с лица, ужаснулся. Всюду, куда проникал взгляд, виднелись обгоревшие пни, черные скелеты кустарника, хаотично валялись обугленные стволы деревьев. Многие деревья с подгоревшими у основания стволами и пожелтевшей хвоей еще подпирали дышащее жаром небо, но участь их тоже была предрешена, так как питательная влага от корней уже не могла подняться по стволу и оживить крону. Вся поверхность земли была покрыта гарью, через которую кое-где смогли пробиться чахлые зеленые травинки, но, лишённые теневой защиты деревьев, они под воздействием испепеляющего солнца стояли прогнувшимися почти до самой земли, словно вымаливая у него пощады.

Вокруг стояла гробовая тишина.

После любования зелеными гривами лесов, обрамлявших скалистые берега почти на всем протяжении пути на моторке, и восхищения силой отдельных деревьев, сумевших вырасти до исполинских размеров на некоторых крутых скло-

нах этих каменистых берегов, я был шокирован увиденным. Машинально передвигаясь по мертвой тайге, я вдруг понял, какой незащитной она бывает. В такую жару в хвойном лесу, переполненном эфирными запахами, всего один незатухший окурок, брошенный безответственным человеком на иссушенную хвою, может загубить все живое в округе.

И вдруг с северной стороны на дне ложбинки я заметил в чудом сохранившейся от пожара хвое бугорки и подумал: «Неужели грибы», — и, осторожно расковыряв хвою, воскликнул: «Рыжики!» Целых шесть штук я аккуратно срезал ножом, после чего тщательно прикрыл хвоей грибницы.

Эта неожиданная находка каким-то образом облегчила тягостное состояние моей души. Я стал замечать в основаниях некоторых сгоревших кустов багульника зеленые побеги, а чуть ниже по ложбинке увидел молоденькую, высотой не более десяти сантиметров, сосенку и рядом с задымленным стволом осинку, на которой подрагивали зеленые листочки, словно опасаясь меня. Я нежно прикоснулся к ним и ласковым голосом успокоил осинку: «Не бойся, красавица. Расти большая и помогай другим». Увиденное вселило в меня надежду на то, что здесь, хоть и нескоро, но тайга возродится из пепла. Я оживился и, насобирав сушняка, вернулся на табор.

Заготовив дрова, я спустился к Витиму за водой. Сергей напряженно стоял с удочкой в руках на большом полузатопленном у берега камне и из-за шума воды не слышал моего подхода. В котелке с водой, стоявшем на берегу, плавало с

десяток окуньков и серебрились два небольших хариуса, а в целлофановом пакете так и лежала неочищенной картошка для ухи.

— И это весь улов?! — с наигранной строгостью громко спросил я. — Плохо ты справляешься с поручением жребия. Даже картошку до сих пор не почистил.

— Хитрющий хариус прячется за валуном. Наживку съедает, а подсечь никак не могу, — не отрывая взгляда от поплавок, пожалился он мне.

— Плохому танцору всегда что-то мешает, — поддел я его. — Выходи, рыбак-кулинар, на берег. В ожидании исполнения твоих обязанностей по жребию можно собственный желудок переварить.

Сергей нехотя спрыгнул с камня на берег и, увидев, что я мою рыжики, удивился:

— Где ты их нашел!

— Тайга большая, — скопировал я повстречавшегося нам браконьера, не став расстраивать его рассказом о пережитом, и, увидев плывущую по течению лодку, отвлек от рыжиков Сергея:

— Мы здесь не одни.

— Еще один браконьер, — рассматривая лодку, предположил Сергей.

Когда лодка приблизилась, сидевший в ней пенсионного возраста мужик заработал веслами и подплыл к нам. Сойдя на берег, он скользнул из-под выгоревших на солнце бровей

оценивающим взглядом по котелку с рыбой и вместо приветствия с доброй улыбкой на простодушном лице весело спросил:

— Что насупились, рыбаки? Ваша рыба мне не нужна, свою некуда девать, — и кивнул на лодку.

Мы с Сергеем перевели свои настороженные взгляды на лодку и увидели в ней пять ленков, граммов по семьсот каждый.

— Вовремя помощь подоспела, — в тон ему сказал Сергей, — нам как раз надо ушицу сварганить.

— Сначала угостите сигареткой. А то я, пока вытаскивал этих рыбешек, куда-то сумку с сигаретами подевал. Наверное, обронил в воду.

Сергей протянул ему сигарету и усмехнулся:

— Ничего себе рыбешки!

— Для здешних мест эти мелковаты, — буднично сказал мужик и спросил: — Вы здесь впервые?

— Мы из Читы. Сегодня прилетели ненадолго, чтобы попробовать экологически чистую уху и познакомиться с Витимом, — продолжил разговор Сергей.

— А что же вы в своей Ингоде и Читинке не ловите рыбу? Тоже таежные речки.

— Экологи предостерегают, что в этих реках рыба напичкана тяжелыми металлами, — ответил я

— Темные они и вы люди, — усмехнулся мужик. — Не знаете своих преимуществ, — и серьезным тоном добавил:

— Я недавно книжку финскую прочитал. Так в ней автор утверждает, что такую пойманную рыбу надо на сутки подвесить вниз головами в холодильнике. За это время тяжелые металлы опустятся в головы, и вам останется только оторвать головы и смело жарить рыбу. А головы, говорят, уже на каком-то комбинате принимают по хорошей цене для извлечения из нее этих металлов.

От полученной информации мы опешили и, наверное, настолько выглядели смешными, пока переваривали услышанное, что мужик, посмотрев на нас, рассмеялся и сознался, что разыгрывает нас. После чего мы пришли в себя и тоже залились смехом.

— А если серьезно, то вы правы, пока Витим еще не загажен человеком. Хотя уже ходят слухи, что собираются его тоже перекрывать плотиной для ГЭС, — тяжело вздохнул мужик и спросил: — А вы умеете варить настоящую уху?

— Рецепты разные, — уклонился от ответа я и, заметив в лодке укрытый брезентом лодочный мотор, спросил: — Мотор сломался?

— Нет. Он меня обратно потащит. Спешить мне некуда. Я пенсионер, зовут меня Николаем Дмитриевичем. Сюда я приезжаю к брату уже третий год, чтобы порыбачить в этой удивительной реке. У меня пониже есть свое любимое место, но если не возражаете, то вечернюю зорьку встретим вместе и я уху сварю...

— Не возражаем, Дмитрич! — перебил его Сергей и пред-

ставил ему себя и меня.

— Но это не будет тебе зачтено, — вставил я и пояснил Николаю Дмитриевичу смысл сказанного. Он рассмеялся и сказал:

— Пусть варганит из моей и своей рыбы, а я подскажу, если что не так, — и, увидев рыжики, спросил: — А из таких красавцев пробовали шашлык?

Мы с Сергеем с удивлением переглянулись и отрицательно мотнули головой.

— Какие же вы после этого таежники, — укорил нас Николай Дмитриевич и с улыбкой обнадежил: — Сегодня по-пробуете.

Вытащив лодку на берег, мы с Сергеем приступили к чистке рыбы и картошки для ухи.

— У окуньков выкиньте внутренности, чешую оставьте, а хариусов дайте мне. Я их посолю, и пока мы будем гоношиться с ухой, они подспеют, — распорядился Николай Дмитриевич.

Сергей подал ему хариусов со словами:

— Я считал, что в Витиме они крупнее.

— Крупнее начнет спускаться осенью, а этот местный, — ответил он и, выпотрошив внутренности хариусов, стал сосредоточенно в них копать.

— Что ты делаешь?! — поразился Сергей.

— Смотрю, что у них в желудке, чтобы подобрать соответствующую мушку для последующей ловли, — пояснил Ни-

колай Дмитриевич и, достав из рюкзака соль, обильно обсыпал ею хариусов, после чего завернул их в чистую бумагу.

Затем он вырезал три прутка из прибрежного ивового куста и, заострив у них по одному концу под граненый штык, пояснил нам, что они нужны для приготовления шашлыка.

Когда мы поднялись на наш табор, Николай Дмитриевич сразу оценил место.

— Надо же, столько раз проезжал мимо и даже не подумал о том, что здесь так удобно можно расположиться. Хорошая продуваемость, а какой обзор! Кто это вас надоумил?

Пока я разжигал костер, Сергей рассказал Николаю Дмитриевичу о нашем случайном знакомом Иване и его содействии нашему появлению на Витиме.

— Передайте ему искреннее восхищение от старого таежника. И, если не возражаете, я после вашего отъезда займу это место. Бог даст, может, мы и с Иваном еще здесь встретимся.

— Дмитрич, хоть сейчас здесь и располагайся, — гостеприимно предложил Сергей.

— Сначала я побываю на своих местах. Очень уж я прикипел к ним.

Затрещал, разгораясь, костер, и Сергей попытался подвесить котел на таганок, но Николай Дмитриевич придержал его:

— Погоди, пусть наберется жару, — и, когда в костре стали образовываться угли, а пламя приобрело синеватый отте-

нок, он скомандовал: — Пора.

Сергей подвесил котел, в котором уже была нарезана картошка, плавал лавровый лист и черный горошек. После того как вода закипела, он сыпанул в нее соль, попробовал на вкус и опустил в котел окуньков, предварительно завязанных Николаем Дмитриевичем в марлю.

— Пусть окуньки покипят минут десять, потом их вытащишь и опустишь ленков, — задал программу Сергею Николаю Дмитриевич. И, достав из своего рюкзака зеленый укроп и лук, дополнил: — После того как глаза у ленков побелеют, измельчи зелень, заправь уху, закрой котел крышкой и убери его на край костра — пусть наберется дух. А пока угли шают, мы тем временем приготовим шашлык.

Нанизав на заостренные концы прутков по два рыжика, он по одному прутку подал мне и Сергею со словами: «Делайте как я», — начал поджаривать на тлеющих углях свои рыжики, инструктируя нас: «Покручивайте, чтобы не сгорели и равномерно поджарились».

Пока мы возились с рыжиками, огромное солнце, попав в ловушку в виде гигантской чаши, образованной двумя сопками с сомкнувшимися подошвами, устало опускалось на ее дно, раскрашивая золотистыми прощальными лучами шиверу.

— Какая красота! — не удержался я от восклицания. Николай Дмитриевич взглянул на шиверу и приструнил меня: — Успеешь еще насмотреться, а сгоревший рыжик не вер-

нешь. — И, после того как сок из рыжиков, попав на угли, возмущенно зашипел и ударил в нос грибным ароматом, он сказал: — Шашлык готов. Солите по вкусу и пробуйте.

— Пища богов! — воскликнул Сергей, проглотив первый кусочек рыжика.

— Ничего подобного я еще не пробовал! — вслед за ним восхитился я.

— Теперь считайте себя настоящими таежниками, — засветился доброй улыбкой наш учитель.

Тщательно пережевывая таежный деликатес, мы с Сергеем, жмурясь от удовольствия и от бликов искрящейся шиверы, молча, словно боясь вспугнуть миг наслаждения, любовались вечерними красками природы. Посмотрев в сторону заката, я восхитился удивительной картиной: солнце, словно разбившись о дно чаши, расплескалось в ней такими огненными красками, что я не смог подобрать слов для выражения увиденного и обратил внимание Сергея.

— Господи, ну что еще человеку надо, — блаженно произнес он, созерцая очередное чудо природы, и вдруг спохватился: — Сама природа подает нам знак, чтобы мы выпили огненной воды! — и, достав из рюкзака бутылку вина, разлил ее по кружкам.

Тем временем Николай Дмитриевич достал хариусов, смыл с них соль и, нарезав на мелкие кусочки, сказал:

— А вот и закуска к горячительному подоспела.

Сергей поднял свою кружку, произнес тост за встречу с

Витимом и уже хотел ее опустошить, но Николай Дмитриевич придержал его:

— У рыбаков принято делиться с водяным, иначе не будет удачи, — поднялся, подошел к краю выступа и немного плеснул из своей кружки в сторону шиверы. Мы с Сергеем тоже послушно соблюдали рыбацкий ритуал, выпили и положили в рот по кусочку хариуса. Ощувив его нежнейшую мякоть и необычайный вкус, я вспомнил насмешки Алексея и сказал Сергею:

— Прав был наш гаражный критик. Эта рыба несравнима с озерным окуньком, — и поделился с Николаем Дмитриевичем воспоминаниями о нашей первой неудачной попытке пробиться с Алексеем к Витиму.

— Попробовав ущицы, вы опять попомните его добрым словом, — рассмеялся Николай Дмитриевич. — А когда побегаете с удочкой или со спиннингом по уловистым местам таежной реки и повыдергиваете из нее хотя бы таких ленков, как в котелке, а если повезет, то и с тайменем поборетесь, тогда и сами оцените озерную рыбалку как баловство.

После его слов Сергей открыл крышку котла, потянул ноздрями и воскликнул:

— Умопомрачительный аромат! Дмитрич, давай зеленый!

— Вот нетерпеливый, — мягко упрекнул его Николай Дмитриевич и, взял в руки черпак, наполнил наши чашки душистой ухой, а Сергей опять разлил по кружкам вино со словами «Горячительное — к ароматному горячему».

Нахлебавшись ухи, Сергей подвел первые итоги:

— Испытание едой мы прошли — оно в пользу речников, — и, повернувшись ко мне, недоуменно спросил: — Но где же рыба, которая за голый крючок хватается и не хочет его отдавать?! За это время на Арахлее я бы таких окуньков штук сто выдернул, а тут — с трудом десятков, и если бы не Дмитрич, то такой бы сказочной ухи мы и не попробовали бы.

— Наверняка ты обидел водяного, если меня перепутал с Алексеем, — рассмеялся я и уважительно переадресовал вопрос Николаю Дмитриевичу: — На этот вопрос сможет ответить только наш опытный наставник, который по воле счастливого случая оказался с нами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.